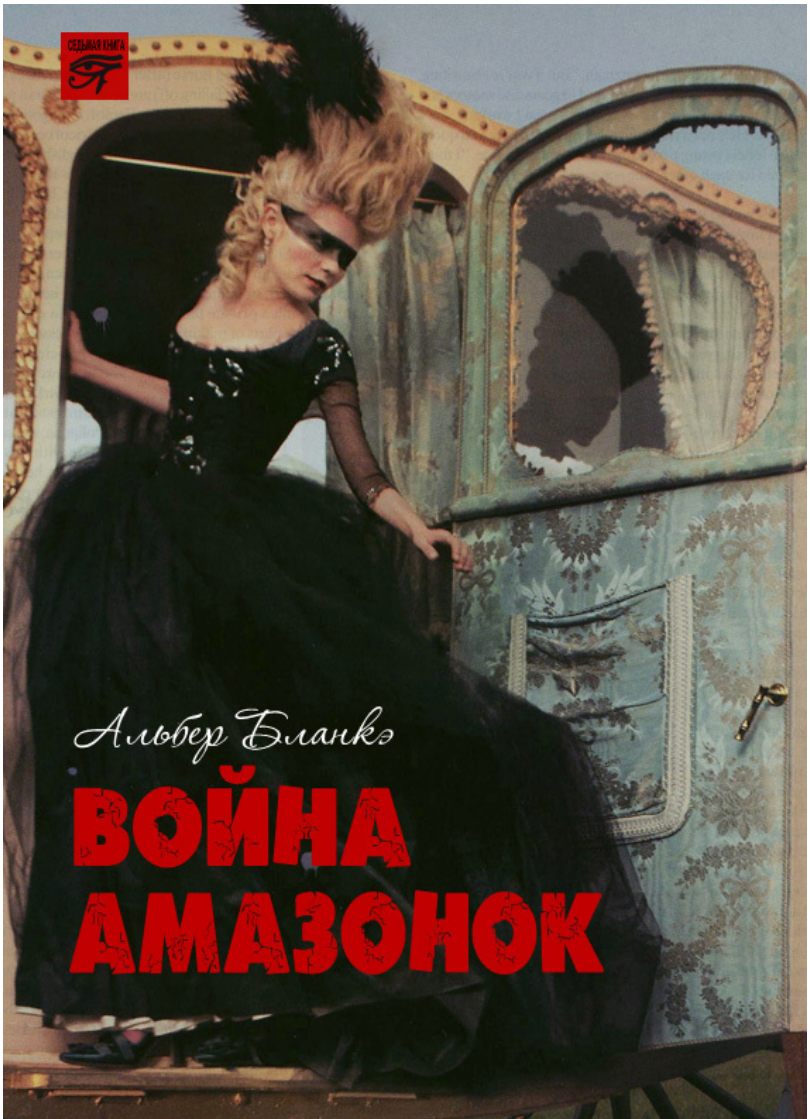
СЕДЬМАЯ КНИГА
Альбер Бланкэ
ВОЙНА
АМАЗОНОК

Альбер Бланкэ
Война амазонок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6534161
Война амазонок: Седьмая книга;
ISBN 978-5-906-13783-8

Аннотация

Франция, XVII век. Именем короля, следуя советам Мазарини, Анна Австрийская сражается с собственным народом. Хотя ее поддерживает величайший политик своего времени, королева тревожится. И однажды, вместо того чтобы следовать умеренным советам любимца-дипломата, она, все еще находясь во власти вдохновения, вызванного когда-то пылкой герцогиней де Шеврез, решает круто повернуть дела…

Содержание

Часть первая. Рыночный король 4
Глава 1. Разбойники «Красной Розы» 4
Глава 2. Семейство Мансо 14
Глава 3. Внук короля-волокиты 27
Глава 4. Королевство герцога Бофора 47
Глава 5. Опасно подсматривать за женщиной 66
Глава 6. Дружеский совет 78
Глава 7. Начало справок 88
Глава 8. Коготки Маргариты 106
Глава 9. Тайная любовь 120
Глава 10. Сети 127
Глава 11. Ключ Кира Великого 135
Глава 12. Амазонка Сент-Антуанского предместья 145
Конец ознакомительного фрагмента. 149

Альбер Бланкэ
Война амазонок

Часть первая. Рыночный король

Глава 1. Разбойники «Красной Розы»

Семь человек со злодейскими лицами, в изорванной одежде, все вооруженные большими и крепкими шпагами, бившими их по пяткам, шли по Сент-Антуанской улице.

Четверо несли женщину с кляпом во рту и так завернутую в плащ, что она казалась трупом. Двое шли в десяти шагах впереди, а седьмой на таком же расстоянии позади; у всех троих были в руках обнаженные шпаги.

Те, что шли впереди, скоро остановились перед знаменитой в то время гостиницей, украшенной вывеской «Красная Роза», которую, впрочем, темная ночь не позволяла различить.

Когда человек, шедший последним, догнал их, он постучался в дверь, и та вскоре отворилась.

В главной зале нижнего жилья не было никого, кроме трактирщика, который поспешил к пришедшим.

– Мосье Ле Мофф! – сказал он, отступая при виде чело-

века, бывшего, видимо, начальником этой шайки.

– Да, это я, – отвечал тот тихим голосом, – помолчи, болтун!

– Что это такое, Боже мой? – продолжал трактирщик, смотря на ношу, которую несли другие.

– Веди нас в твою лучшую комнату. Нимало не медля. Ну, скорее, скорее…

Трактирщик, без сомнения, знал, с кем имел дело, потому что поспешил зажечь свечу и пошел впереди таинственных посетителей. Он поднялся на лестницу, светя им, и привел их в обширную комнату первого этажа.

Человек, которого трактирщик назвал Ле Моффом, приказал своим людям положить на кровать укутанную женщину, которая, впрочем, нисколько не вертелась в их руках; и когда это было исполнено, когда Ле Мофф отослал своих людей и остался один с трактирщиком, он расправил многочисленные складки плаща и освободил пленницу от кляпа.

Это была молодая девушка, и трактирщик, который не мог удержаться от любопытства и направил свет свечи на ее лицо, мог удостовериться, что она была чудной красоты. Гневный взгляд Ле Моффа напомнил ему его обязанность, и он поспешил зажечь две восковые свечи – уже вполовину сгоревшие, воткнутые в подсвечник, стоявший на столе.

– Сойдем вниз, – сказал Ле Мофф.

Трактирщик пошел за ним без всяких рассуждений. И без удивления увидел, как тот старательно запер дверь комнаты

двумя оборотами ключа.

– Птичка не улетит, – сказал Ле Мофф с одною из тех злых улыбок, что предшествуют дурному поступку.

– Остерегайтесь, мосье Ле Мофф, вы можете навлечь большую неприятность на мою бедную гостиницу!

– Каждый раз, как я приводил к тебе клиента, тебе платили хорошо, не так ли?

– Это правда, особенно когда дело шло о герцоге де Бар.

– Ну, на этот раз ты получишь еще больше.

– Черт побери!

– Ты боишься чего-нибудь?

– Если я правильно угадываю, что вы готовите, то думаю, что за это может заплатить только герцог Бар.

– Ты не ошибаешься, приятель, и теперь дело идет о герцоге… что не мешает герцогу де-Бару быть одною из колонн твоего уважаемого дома, не забывай этого.

– Ах! Если бы он не принадлежал к придворной партии.

– Что же?

– Я не боялся и не совестился бы.

– Но сегодня речь идет не о нем.

– Герцог Бар в партии Мазарини, и вы рискуете, что вас будет осаждать в моем доме партия принцев или парламента, и мои бедные стены, моя хорошая мебель, мои тарелки, мои блюда, мои вина поплатятся за это.

– Ты будешь щедро вознагражден, обещаю тебе это.

– Увы! Любезный мосье Ле Мофф, я не могу полагаться

на ваше слово, хотя верю вашей чести.

– Что ты хочешь сказать?

– Что я не принадлежу ни к партии Фронды, ни к партии принцев и что моя холодность, благоприятная моим интересам теперь, впоследствии, может быть, будет считаться неловкостью.

– Ты рассуждаешь довольно хорошо, друг: то, что неловкость в тебе, человеке оседлом в Париже, то ловкость в Ле Моффе, который предоставил тебе свободу расставлять свою палатку во всех лагерях, смотря по обстоятельствам.

– Все обойдется, я надеюсь.

Они воротились в общую залу, и трактирщик очень удивился, что число товарищей его клиента более чем удвоилось в их отсутствие.

Двадцать человек, вооруженных с ног до головы и в такой же беспорядочной одежде, как и первые, заняли места около столов. Служанка подавала им вина, они без церемонии разбудили ее, а эта красивая толстая девушка не заставила себя просить.

Ле Мофф был человек лет тридцати пяти, высокий ростом и суровый лицом, один из тех сынов Бретани, которые удивляют свет зрелищем своих подвигов или которые, сбившись с прямого пути, ужасают свет шумом своих злодеяний. Теперь Ле Мофф был на жалованье тех, кто желал его нанять – на день, на час, на удар. Он влачил за своей длинной рапирой свору бандитов, не знавших ни веры, ни закона, тем

более страшных, что в эпоху смут и беспорядков полиция была ничтожна.

Когда Ле Мофф появился в зале, как бы по волшебству воцарилось молчание.

– О! – сказал Ле Мофф, нахмурив брови, – о капитане говорили дурно.

Никто не ответил, но головы наклонились к столам, и несколько стаканов было опорожнено для вида.

– Скажите, что у вас на сердце? – продолжал Ле Мофф. – Не стесняйтесь, вы знаете, что я добрый малый.

– Мы хотим вступить в службу к кому-нибудь, – сказал один, приподнимая голову.

– Нам надоело шататься там и сям, не знать никогда, куда мы идем.

– Да, – продолжали все хором, – вот чего мы хотим.

– Скоты, – возразил Ле Мофф, пожимая плечами, – неужели вы не поняли, что есть хорошего в нашей жизни? Быть себе господином – разве это не самое лучшее положение?

– Конечно, – отвечал другой, – но есть минуты трудные.

– Право, вы не заслуживаете, чтобы я вами интересовался. Вот сто пистолей, которые я должен сегодня разделить между вами, завтра вы получите вдвое, послезавтра втрое больше.

– А! – сказали разбойники, вытаращив глаза с любопытством и жадностью.

– Поймите раз и навсегда, что во всякой междоусобной войне есть люди, которые приобретают, и люди, которые теряют. В тот день, когда мир будет подписан между партиями, мы уйдем в тень, правосудие и полиция примутся за свое дело, и все кончится для нас. Пока будут беспорядки, мы будем приобретать. Одни граждане за принца, другие за двор; мы между ними, они режутся, а мы ловим рыбу в мутной воде. Вы никогда не догадаетесь, что принесла мне битва при Шарантоне, где были убиты Танкред де Роган, де Шатильон и столько других вельмож: мои люди грабили их кошельки и ценные вещи, а я оставался в Париже. В день Шарантонской битвы весь Париж ушел на сражение, а мы – пятнадцать человек – ограбили более пятнадцати домов, там драгоценности и дублоны лежали в изобилии, а защитниками имели только женщин и детей.

– Это хорошо, я согласен, – сказал один из разбойников, – но это бывает не каждый день, шарантонскому делу минуло уже два года.

– У меня есть план, говорю вам, чтобы подобное дело повторялось десять раз в день, если я захочу.

– Твой план, Ле Мофф, твой план? – закричали все разбойники в один голос.

– Я скажу его только тем, кто будет мой и телом и душой, без ограничения, без низости.

Никто не успел сказать и слова в ответ, потому что раздался звон разбиваемых стекол, смешанный со звуком голосов

на улице. Ле Мофф бросился в ту сторону с ужасными ругательствами; он смутно понимал, что было причиной этого шума.

Молодой человек на тощей лошади ехал по Сент-Антуанской улице – как будто ехал наудачу, как будто первый раз попал в большой город. Когда его лошадь поравнялась с гостиницей «Красная Роза», одно из узких окон первого этажа отворилось, и из него высунулась белая женская рука.

– Милостивый государь, – сказал голос за стеклом, – кто бы вы ни были, помогите мне.

Молодой человек поднял голову к окну и остановил свою лошадь.

– Милостивая государыня, – отвечал он, – разве вас удерживают насильно в этом доме?

– Да, поспешите помочь мне, или я погибну.

– Я очень буду рад, но каким образом? Вас стерегут, я вижу их в зале и в таком большом количестве, что один человек, будь он Ахиллес или Ролан, не может с ними сладить.

– Увы!

– Но вы можете выпрыгнуть в окно; вы упадете ко мне на руки, и, так же справедливо, как меня зовут Гонтран Жан д'Эр, я провожу вас, куда вы захотите.

– Меня заперли, и даже окно заперли замком.

– Разбейте стекло стулом, поленом, что попадется под руку.

Дама не отвечала, но через минуту стекла в окне разлете-

лись вдребезги. Молодой человек, увидев успех и рассудив, что минуты драгоценны, подъехал к дому и протянул руки к окну, из которого уже выпрыгивала женщина, просившая его помощи. Но он не успел привести в исполнение свой великодушный поступок; в темноте, в двух шагах от него, раздался свист, и сильная рука, схватив его лошадь за узду, отбросила ее на середину дороги. Незнакомец, схватившийся за шпагу, немедленно был окружен толпой грозных и страшных людей. Он узнал больше с неудовольствием, чем со страхом, что он окружен теми негодяями, которых видел пьянствующими в нижней зале гостиницы. Отступать, вероятно, было не в его характере, он заставил свою лошадь стать на дыбы, чтобы избавиться от самых дерзких.

– Вы освободите эту даму! – сказал он громким и повелительным голосом.

Никто не отвечал. Несмотря на темноту, он снова увидал себя окруженным шайкой и почти тотчас почувствовал, что лошадь падает под ним. Верно, несчастному животному проткнули бока шпагой. Всадник упал, но с ловкостью опытного воина тотчас же очутился со шпагою в руке – один против всех этих ожесточенных людей, составив себе укрепление из тела своей лошади.

– Убейте его! Никакой пощады! – приказал один голос.

– Меня непросто убить, подлые негодяи! – воскликнул незнакомец, нанося уколы направо и налево.

Однако борьба не могла быть продолжительной, и муже-

ственный защитник незнакомки был бы неминуемо убит, если бы в темноте не раздался новый свист, на этот раз тихий и сдержанный. Однако его услыхали все, и поле битвы немедленно опустело. Но молодой человек не освободился от нападающих, самые решительные бросились на него, окружили и, в отмщение за то, что двоих своих оставили на мостовой, проткнутых сильной шпагой, увлекли его к гостинице, дверь которой захлопнулась с шумом.

– Это патруль, – сказал Ле Мофф. – Если он войдет сюда, чтобы не было крови!

Наклонившись к полу, он потянул большое кольцо, открылась опускная дверь на черную и крутую лестницу.

– Ну! – скомандовал он.

Должно быть, разбойники привыкли к этому или умели понимать своего начальника с полуслова: пленник, который при свете ламп оказался молодым красивым мужчиной, был брошен в эту яму с такою жестокостью, что покатился в бездну с криком отчаяния. Дверь опустилась тяжело над отверстием, на дверь поставили стол, за него сели человек десять, так чтобы скрыть все следы этого действа. Впрочем, несчастный молодой человек уже не кричал.

Прошло несколько минут, три удара послышались в дверь гостиницы. Хозяин, нисколько не колеблясь, пошел отворить. В полусвете, производимом на улице отблесками луны, появилась человеческая фигура на лошади. Трактирщик взял лошадь за узду, и фигура спрыгнула на землю с беспри-

мерной легкостью.

Человек, костюм которого не позволяла рассмотреть темнота, вошел в залу твердыми и смелыми шагами. Все переглянулись с удивлением: особа, вошедшая таким образом в это странное общество, была… женщина в длинной амазонке и с маской на лице.

– Мэтр Ле Мофф, – обратилась она к атаману разбойников, – я должна поговорить с вами. Проводите меня в комнату, где мы будем одни.

Атаман схватил одну из ламп и пошел вперед, но в ту минуту, как он отворял дверь другой комнаты, он обернулся к двум людям, спускавшимся с массивной лестницы, которая вела на верхний этаж.

– Ну, что?

– Она не шевельнется, – отвечал один из этих людей со злой улыбкой.

– Теперь, сударыня, я к вашим услугам, – сказал Ле Мофф незнакомке.

Глава 2. Семейство Мансо

Жак Мансо был синдиком, старшиной рыночных носильщиков. Высокий и сильный, как Геркулес, с громким голосом, с широкой и тяжелой рукою, с румяным лицом, со всеми признаками необыкновенно доброй натуры. Жена его держала овощную, фруктовую и зеленную лавку на рынке Невинных. Это была женщина среднего роста, с живым лицом, с проницательными глазами, с проворными ногами и руками, с громким и резким голосом. Она была также очень добра, но ее вспыльчивый характер заставлял мужа бояться ее, этот добрейший и сговорчивый человек в величии своей силы противопоставлял ее брани и гневу только кроткую и сострадательную улыбку.

От этого честного брака среди домашних бурь родились две дочери. Маргарита унаследовала живость матери, умеренную спокойным доброжелательством отца, она была одним из тех совершенных созданий, которые составляют радость и славу семьи. Она была хороша, даже очень хороша и славилась своей миловидностью на рынке, куда иногда приходила с матерью.

Мария, вторая дочь, была двухлетним ребенком, любимицей всего рынка. Все торговки, когда мать или сестра приводили ее в ряды, осыпали девочку ласками.

Мансо жили в доме, имевшем на улицу одно окно. Вы-

сокая крыша этого дома поднималась над улицей Потри, недалеко от рынка Невинных. В зале нижнего жилья семья завтракала, обедала, тут же производились работы, которыми распоряжалась Маргарита. Через эту залу надо было непременно проходить, чтобы переносить каждый вечер на небольшой дворик остатки товаров, которые нельзя было оставлять на ночь на рынке.

В тот день, против обыкновения, с тех пор, как королева-мать и кардинал Мазарини отдалили от себя сердца народа и буржуазии, не били в барабаны на парижских улицах. После ареста принца Кондэ и изгнания герцогини де Лонгвилль мир между различными партиями, который так долго готовили к подписанию, обещал наконец сменить уличные волнения. Все интересовались друг у друга новостями.

Освобождены ли принцы? Восторжествует ли парламент? Окончательно ли отослан Мазарини, а принцы освобождены? Герцогиня Лонгвилль, Бофор, Д'Эльбеф и другие будут ли иметь власть? Это был всеобщий вопрос, с тех давних пор, как началась междоусобная война. С этим вопросом парижане просыпались каждое утро.

Госпожа Мансо воротилась с рынка, ее муж принес на спине в гигантской корзине много провизии, которую надо было убрать. Стало уже так темно, что Маргарита вынуждена была зажечь лампу. Госпожа Мансо казалась не в духе. Старшина, освободившись от своей ноши, нежно поцеловал Маргариту, потом опять взял корзину своими сильными ру-

ками, перенес ее на двор и повесил на толстый крюк, нарочно устроенный для этого.

– Я не продала и на шесть ливров сегодня, – сказала мать, садясь и складывая руки на колени, – а у меня на целый пистоль зелени, которая завтра не годится даже свиньям.

– Ба! – сказал гигант, пожимая плечами.

– Этому все причиной Мазарини.

– Он или другие.

– Он! Он один! – сказала госпожа Мансо, и глаза ее вдруг засверкали.

– Мама, – осмелилась сказать Маргарита кротким голосом, – сегодня на улице говорили…

– Что говорили? – спросила госпожа Мансо, которая, терзая мужа, всегда смягчалась к дочери.

– Что скорее принцы – причина наших неприятностей и что лучше бы их оставить в тюрьме.

– Клевета! – сказала госпожа Мансо, вставая с негодованием и подходя к мужу, сжав кулаки. – Это такие люди, как ты, мосье Мансо, повторяют эту ложь. Если бы вы не были такими трусами, мы скоро прогнали бы метлами этого итальянца на его родину.

– Милая моя… – попытался умиротворить ее синдик.

– Молчи, ты говоришь только глупости.

– Мама, – сказала Маргарита.

– Ну! Что еще?

– Уверяю вас, что Жолье, угловой лавочник, имеющий го-

лос в ратуше, переменил мнение насчет кардинала.

– Это флюгер. А я слышала однажды, как твой Жолье предлагал прицепить его к своей вывеске.

– Он говорит, что это великий министр, и мой кузен Ренэ считает так же, – прибавила Маргарита.

– Ренэ дурак.

– Где он сегодня? – с участием спросил Жак.

– Папа, ты же знаешь, что коадъютор расположен к нему. Он прислал за ним.

– Возможно ли? Такой человек? – сказала госпожа Мансо. – Надеюсь, что Ренэ воротился, вылечившись от своего восторга к Мазарини.

– Он говорит, что коадъютор, хотя и ненавидит кардинала, имеет о нем такое же мнение.

– Ну! Да, это хитрец! Но также и плут, обманывающий всех. Он обманет принцев и весь парламент, если мы допустим это. К счастью, рынки не дремлют.

Носильщик пожал плечами.

– Да, рынки и Бофор также. И я надеюсь, что ты пойдешь вместе с нами.

– Надо будет.

– Право, Мансо, я удивляюсь тебе, будто ты ничего не чувствуешь! Разве не ты ударом плеча опрокинул карету, которая везла Брусселя в Бастилию?

– Ну да.

– С того дня Мазарини и Комминг стали твоими врагами:

стало быть, ты фрондер.

– А! – отвечал синдик, показав ряд зубов, белых и крепких, способных раскусить кремень.

– Только осмелься утверждать противное.

– Я ничего не буду утверждать.

– Послушать тебя, так подумаешь, что ты за Мазарини, как Маргарита, которая…

– Мама, вы знаете, что я ни за кого, разве только за то, чтобы все было спокойно, чтобы ваши дела шли хорошо и чтобы вы не портили себе кровь, горячась за людей, которые насмехаются над вами за глаза.

– Никогда этому не поверю!

– Вспомните, что вам сказала герцогиня де Лонгвилль в тот день, когда я ходила поздравлять ее с именинами вместе с вами.

– Твоя прелестная и добрая крестная мать! Вот женщина, которой следовало бы быть королевой Франции и Навары!

– Она вам сказала, я помню, как будто это было вчера: «Моя добрая Мансо, делу, которому я служу, нужны все; но так как во всяком деле нужны жертвы, я была бы в отчаянии, если бы вы оказались в числе жертв. Оставайтесь спокойно дома, когда бьет барабан. Подумайте, что у вас есть честный муж и дочь, которые нежно любят вас и которых ничто не утешит в вашей потере».

При этих словах, сказанных простым и нежно-убедительным голосом, носильщик поднес к глазам руку, а госпожа

Мансо вынуждена была вынуть носовой платок, чтобы отереть крупные слезы, вдруг омочившие ее лицо. Маргарита подошла к матери и нежно поцеловала ее. Вдруг какая-то женщина быстро вошла с улицы, заперла за собой дверь, бросилась к лампе и задула ее.

– Кто тут? – повелительно спросила госпожа Мансо, между тем как ее муж вставал, грозно подняв кулаки.

– Это ты, Ренэ? – спросила Маргарита, не разглядевшая женского платья вошедшей.

– Кто там? – в свою очередь, спросил хозяин грозным голосом.

– Это я, не бойтесь ничего, друзья мои.

– Кто вы?

– Герцогиня Лонгвилль.

– А! – воскликнули сразу три голоса с величайшим удивлением и участием.

– Мансо, посмотрите, не гонятся ли за мной, но будьте осторожны.

Жак отворил дверь, между тем как три женщины прошли во двор. Скрестив руки и глядя на проходящих, Жак спокойно прислонился к столбу. К лавке подошел человек и, не останавливаясь, быстро заглянул в открытую дверь.

– Разве у нас сегодня не зажигают огня?! – вскричал Мансо, возвращаясь в комнату.

Взяв кремень и огниво, он начал высекать огонь, нарочно бросая тысячу искр, и ему показалось, что тот же самый че-

ловек опять появился против двери, остановился на секунду и продолжил свой путь.

Мансо зажег лампу, спокойно сошел с двух ступеней, защищавших порог его дома от парижской грязи, и приставил ставень к стеклянной двери, что он делал каждый вечер; потом закрыл ставнями оба окна. Он не смел пойти к женщинам, но дочь позвала его. Жак поднялся на верхний этаж и очутился в темноте. Три женщины разговаривали у кроватки маленькой Марии.

– Любезный Мансо, вам надо проводить меня в отель Вандом, – сказала герцогиня.

– Хоть на край света.

– Не скрою от вас, что на меня могут напасть.

– У меня есть палка и довольно крепкие кулаки, – просто отвечал носильщик.

– Напасть на вас! Вас все так любят! – удивилась госпожа Мансо.

– Любезные друзья, Мазарини, изгнавший меня, был бы очень рад держать меня в тюрьме, как он когда-то держал там Бофора и как держит моих братьев, но сегодня вечером я, напротив, должна бояться моей партии.

– О, Боже!

– Вот печальные последствия междоусобной войны. Но я не хочу обвинять никого. Сегодня мне нужно видеть де Бофора, а завтра, я надеюсь, мне нечего будет опасаться.

– Герцог Бофор не способен на плохое! – вскричала гос-

пожа Мансо.

– Он! О, конечно, я в этом уверена, – произнесла герцогиня Лонгвилль с легким вздохом.

– Такой достойный принц!

– К несчастью, есть одна дама… – сказал кроткий и в то же время твердый голос Маргариты.

– Пойдемте! – с живостью предложила герцогиня, которая, вероятно, не хотела продолжать разговор об этом щекотливом предмете.

– Хотите послушаться моего совета? – спросил носильщик.

– Очень он нужен! – колко возразила его жена, не имевшая большого доверия к идеям супруга.

– Напротив, друг мой, говорите, – любезно сказала герцогиня.

– Я знаю Париж, и, вероятно, улицы наполнены миллионами шпионов.

– Да, я узнала одного негодяя, прогнанного из моего дома, куда он успел забраться как лакей.

– Почему бы вам не надеть платье вашей крестницы?

– Герцогиня не унизится, – с негодованием заметила госпожа Мансо.

– Напротив, прекрасная мысль, друзья мои! – с живостью воскликнула герцогиня Лонгвилль. – Поскорее, милая Маргарита, поспешим.

Через десять минут герцогиня Лонгвилль, сестра принцев

Кондэ и Конти, одна из знатнейших дам Франции, положила свою прелестную руку на сильную руку простолюдина и совершенно спокойно пошла по улицам Парижа, на которых тогда господствовало большое смятение.

– Да защитит ее Господь! – сказала Маргарита, запирая дверь.

– Мансо первый силач на рынке, достанется тем, кто нападет на нее.

– Она идет видеться с Бофором. Чего она от него хочет?… Должно быть, он очень ей нужен, если она осмелилась на такой поступок: ведь он ее любил!

– Сплетни!

– Куплеты, сочиненные на непостоянство Бофора, когда он предпочел ей мадам Монбазон, известны, мама.

– Бофор может любить кого хочет, и самый красивый мужчина в Париже может любить мадам Монбазон, первую красавицу при дворе.

– От которого и она также изгнана, – сказала Маргарита со вздохом удовольствия.

– Это правда. О! Этот Мазарини! Если бы могли его изжарить! Преследовать таких знатных людей! Особенно герцога Бофора! Держать его в тюрьме три года! Ах! Маргарита, как жаль, что ты неблагородная! Ты могла бы выйти за него.

– О! Мама, кажется, герцог Бофор совсем не думает о женитьбе.

– Молчи, злая! Если он внук короля Генриха с левой ру-

ки, это не причина, чтобы клеветали на него, это самый добродетельный принц!

Маргарита закашлялась со значительным видом и засмеялась, но мать не любила насмешек на этот счет. Она хотела рассердиться, но в этот момент в дверь сильно постучались.

– Это не может быть Ренэ, – сказала госпожа Мансо.

– Кто там? – спросила испуганная Маргарита.

– Отворите, отворите! – испуганно произнес взволнованный голос.

– О, Боже мой! Ренэ! Что с ним? – закричала Маргарита со слезами на глазах.

Госпожа Мансо знала Париж, и, хотя она не была робкой, однако сочла благоразумнее сначала спуститься на первый этаж и посмотреть в окно.

– Отвори! Отвори! – закричала она, поспешно спускаясь с лестницы. – Ах! Негодяи! Негодяи!

Маргарита быстро открыла дверь и с испугом отступила. Вошел крестьянин, поддерживая Мансо, у которого лицо было окровавлено и который, казалось, был готов испустить последний дух.

– Папа! – воскликнула молодая девушка, помогая крестьянину довести отца до стула.

– Я ничего не вижу, – сказал он слабым голосом.

– Это вы, деверь! – воскликнула госпожа Мансо, входя в комнату.

– Я привел к вам Жака в прекрасном состоянии.

– Что же такое случилось? – вскричала торговка, суетясь около мужа, между тем как дочь перевязывала широкую рану, которая была у него на лбу.

– Надо доктора, – сказал крестьянин.

– Бегу! – поспешно согласилась госпожа Мансо, выбегая из дома.

– А она?… – с тревогой спросила Маргарита.

– Исчезла… похищена!

– О, Боже!

– Я пришел из Гонесса, – сказал крестьянин, – и хотел идти сюда, как вдруг услышал на улице шум, я узнал голос Мансо. Он упал от удара шпаги в голову. Разумеется, я и не подумал защищать эту госпожу.

– Томас, ты меня обесславил! – вздохнул носильщик.

– Это была герцогиня Лонгвилль, – прибавила Маргарита.

– Фрондерка! Тем хуже для нее! Я держу сторону короля и кардинала!

– Тише, дядюшка, если мама вас услышит!..

– Человек, командовавший убийцами… – сказал Мансо.

– Ну?…

– Я его знаю, это…

Мансо не мог сказать больше ни слова, истощенный от потерянной крови, он лишился чувств. Госпожа Мансо воротилась и ввела за руку герцогиню Лонгвилль.

– Герцогиня спасена! – вскричала Маргарита.

– Шш…

Торговка обернулась и пропустила доктора, которому указала на мужа.

Пока доктор занимался носильщиком, герцогиня увела молодую девушку на двор.

– Маргарита, – сказала она, – ты моя крестница, и я тебя люблю, надо оказать мне важную услугу. Эта попытка к похищению… Я смогла спастись лишь благодаря темноте, но попытка, наверно, возобновится. Предполагая, что я не застану герцога Бофора, я приготовила письмо. Ты должна отнести это письмо к нему.

– Я к вашим услугам, приказывайте, – произнесла Маргарита с готовностью.

– Возьми! – сказала знатная дама, подавая Маргарите записку.

– Он получит письмо, клянусь вам.

– Но если увидят, как ты выйдешь отсюда? Этот квартал должен быть окружен.

– Я знаю проход почти напротив нашего дома.

– Берегись, дитя, а если у тебя отнимут это письмо…

– Не отнимут, клянусь вам.

– Ступай скорее.

Герцогиня проводила Маргариту до двери. Госпожа Мансо так была занята своим мужем, который все не возвращался к жизни, что не заметила ухода дочери.

– Ах! Если мазаринцы убили его, пусть они дрожат! – сказала она со свирепой энергией.

Герцогиня была права: квартал действительно окружили, и Маргарита не сделала по улице и тридцати шагов, как была остановлена и похищена, как перышко, шайкой разбойников. Это Маргариту Мансо люди Ле Моффа заперли в гостинице «Красная Роза». Но капитан воображал, что он захватил герцогиню Лонгвилль.

Глава 3. Внук короля-волокиты

В ту эпоху королева ездила в рестораны. В конце Кур, модного места прогулки на юго-западном краю Тюильрийского сада находилось заведение знаменитого, модного ресторана Ренара. Имевший вид на Сену прекрасный сад с итальянскими террасами, с многочисленными беседками, с таинственными рощицами, давал густую тень любовным свиданиям и сумасбродным гульбищам.

В тот день, возвращаясь с прогулки, королева остановилась у Ренара, и, так как погода была прохладной, она приказала подать горячее питье. Вместе с ней были мадемуазель Монпансье, мадам Сенси, мадам Готфор, мадам Фьеск и мадам Фронтенак. Несколько дворян поспешили приветствовать королеву; между ними находились герцоги Кандаль, Бар и маркиз Жарзэ.

Анне Австрийской было около сорока шести лет. Это была уже не та молодая, слабая, беззаботная королева, которая составляла заговоры с герцогиней де-Шеврез и с мадам де-Шале против страшного кардинала де-Ришелье. Она еще обладала удивительной красотой, но лета и набожность совершенно изменили направление ее мыслей. Ее доверие, если не сказать – вся ее нежность, отданная Мазарини, заставили ее действовать сообразно желаниям обожаемого министра.

В эту пору борьба носила другой характер. Именем коро-

ля, следуя советам Мазарини, Анна Австрийская сражалась со своим народом. Хотя ее поддерживал величайший политик того времени, королева тревожилась. И в тревоге, вместо того чтобы следовать умеренным советам любимца-дипломата, она, все еще находясь во власти вдохновения, вызванного когда-то пылкой герцогиней де-Шеврез, захотела круто повернуть дела.

Но теперь герцогиня Шеврез, которую лета не сделали ни набожной, ни жеманной, была против нее, или правильнее сказать, против ее министра.

Королева, когда вошла к Ренару, находилась в тревожном расположении духа и была очень рада удержать возле себя де Бара и Жарзэ.

– Господа, – сказала она, – не правда ли, стыдно видеть подобные вещи?

– Какие?

– Сейчас буржуазия и народ, стоявшие вдоль дороги, холодными и любопытными глазами смотрели, как проезжал их король. Между тем как через минуту, когда проезжал Бофор, раздались крики радости и любви.

– Ваше величество, герцог Бофор рыночный король, – с презрительным видом произнес герцог Бар.

– Де Бофор забывает, что мы закрыли глаза на его побег и что в Бастилии готова для него комната.

– Я капитан телохранителей, – продолжал маркиз Жарзэ, – и, если ваше величество мне прикажете, герцог Бо-

фор сегодня же будет опять в своей тюрьме.

– Нет, – с живостью сказала королева, – я не хочу возмутить против себя весь этот народ, и надеюсь, что герцог скоро совершит какое-нибудь сумасбродство, которое погубит его в глазах его партии.

– Ваше величество, – возразил герцог Бар, – три года, проведенные в тюрьме, сделали из сумасброда мудреца.

– Что за идея!

– Я знаю людей; герцог Бофор внешне выказывает прежнее сумасбродство, но бывают минуты, когда его прекрасная голова склоняется на грудь, глаза покрываются туманом, и он впадает в мрачные размышления.

– Герцог, возможно, прав, – согласилась Анна Австрийская. – Герцог Бофор – внук Генриха IV, который всегда выпутывался из ловких козней королевы Катерины.

– Угодно вашему величеству, чтобы я освободил вас от этого дерзкого рыночного короля? – предложил Жарзэ.

– Каким образом?

– Обыкновенным проступком, который всегда может предоставить случай. Ссору затеять легко, и хотя Бофор внук короля, он довольно храбр и не откажется скрестить шпагу с простым дворянином.

– Нет, нет, не делайте этого, Жарзэ! – воскликнула королева, сердце которой забилось.

– Мосье Жарзэ, – сказала мадемуазель Монпансье, – герцог Бофор, хотя и враг кардинала Мазарини, слуга короле-

вы, он не может забыть милостей, которыми ее величество одаривала его.

– Это правда, – согласилась Анна, несколько покраснев, – он прежде был самым преданным из моих слуг.

– И теперь, – продолжала принцесса, – я уверена, он не изменил своих чувств.

– Однако он идет против моего министра, следовательно, и против меня.

– Ваше величество, – продолжал герцог Бар, Бофор имеет очень сильную поддержку среди черни. Чернь чтит память короля Генриха, а память прелестной Габриэли окружена романтической легендой. Кто знает, чем это может кончиться? Французы легкомысленны и легко поддаются энтузиазму; наступит момент, когда они, пожалуй, и не обратят внимание на незаконное происхождение этого человека.

– Что вы хотите сказать? Он на французском троне!

– Он или Кондэ. Все, что происходит, ведет к этому. Разве коадъютор не мечтает о тиаре?

– Мы все это приведем в порядок, господа.

– Если бы ваше величество прислушались к тому, что я говорил сейчас, – возразил Жарзэ.

– Что такое?

– Если вашему величеству угодно присутствовать при любопытном зрелище, выйдите на террасу, которая возвышается над садом. Скоро настанет час, когда Бофор и его друзья прогуливаются в Тюильри. Герцог Бар и еще несколько

дворян, которые, я знаю, находятся здесь, мы не пустим их на дорогу.

– Я вам это запрещаю, Жарзэ! – сказала королева слабым голосом, но улыбаясь.

– Ваше величество мне запрещаете?

– Да.

– Обнажать шпагу в Тюильри, так как это королевский сад? Но, смею надеяться, вы мне не запрещаете показать рыночному королю, что его ложное звание неприятно его повелителям.

– И этого я не хочу.

– Берегитесь, если кардинал будет упорно держаться кротких мер, король скоро будет вынужден бежать из своей столицы, как это уже было.

– Вы думаете?

– Коадъютор волнуется больше прежнего, аббаты вчера и сегодня проповедовали против Мазарини, все это не предвещает ничего хорошего.

Королева обернулась к мадемуазель Монпансье.

– Вы слышите, опять ваш отец принялся за свое, он заодно с этими людьми.

– Ваше величество, отец мой предан вам, он вам клялся.

– Принц Гастон приучил нас к своим клятвам после гибельной истории с Шале.

– Ваше величество… – сказала принцесса, сильно покраснев.

– Ваше величество, – вмешался Жарзэ, сжалившись над положением мадемуазель Монпансье, – я придумал план.

– Какой?

– Приучить парижский народ к имени Мазарини, которое внушает ему такое сильное отвращение.

– Сейчас я слышала крики: «Долой Мазарини!» – нахмурила брови королева.

– А я, – сказал де Бар, – решился освободить вас от Бофора. Если Жарзэ не успеет, я берусь за это.

Жарзэ и де Бар, низко поклонившись королеве, ушли. Через несколько минут они вошли в Тюильри в сопровождении герцогов Кандаля и Монморанси, сына казненного Бутвилля, Ногарэ, Валетта, Ланикана, Ревиньи и других.

В ту минуту, как они выходили из сада Ренара, мадемуазель Монпансье немного отстала от королевы, которая направилась к террасе с намерением присутствовать при сцене, обещанной Жарзэ. Принцесса сделала знак графине де-Фронтенак, одной из ее статс-дам, и та поспешно подошла, угадав бурные мысли, волновавшие душу ее повелительницы.

– Ради Бога, графиня, велите сию минуту предупредить герцога о том, что затеяно.

– Я сама побегу, ваше высочество.

– Это еще лучше. Ступайте скорее.

Любопытствуя посмотреть на происходящее, мадемуазель Монпансье подошла к королеве, желая в глубине сердца

неудачи Бару, которого она терпеть не могла, и желая счастья Бофору, к которому, по-видимому, не питала ни малейшей ненависти.

Франсуа Вандом, герцог де Бофор, был сыном Сезара Вандома, родившегося от Генриха IV и Габриэли д'Эстрэ. Теперь это был тридцатидвухлетний мужчина, красивый и белокурый, как Аполлон, храбрый выше всяких похвал, всегда готовый на отважные поступки. Вокруг него сгруппировались все недовольные – и прежде и после его побега из Бастилии. Они помнили слова королевы, провозгласившей его, когда он ей был нужен, самым честным человеком во Франции.

Как сказал маркиз Жарзэ, герцог Бофор имел привычку гулять каждый день в главной аллее сада Тюильри. Пока Жарзэ составлял против него заговор с Баром и с королевой, Бофор вошел в сад, сопровождаемый, по обыкновению, дворянами и вельможами, которые почитали за честь сопутствовать этому популярному и очаровательному принцу. Париж с удовольствием находил в нем блестящие качества и милые недостатки короля-волокиты.

Фамильярно опираясь на руку герцога Бриссака и беседуя с ним, Бофор не успел сделать и трех шагов по аллее, как графиня Фронтенак, которая шла к нему в сопровождении пажа мадемуазель Монпансье, сделала вид, будто выходит из глубокой задумчивости и только что приметила его. Она посторонилась с дороги, чтобы пропустить принца, но

тот, оставив Бриссака, поспешно пошел ей навстречу, сняв шляпу. Графиня Фронтенак протянула ему свою руку, и он, поклонившись, поднес ее к своим губам.

– Как, графиня, вы уже уходите из сада? – спросил Бофор, идя с нею по главной аллее.

– Да, монсеньор, я оставила королеву и мадемуазель Монпансье у Ренара и вдруг вспомнила, что сегодня постный день и что я обещала моему духовнику строгое воздержание.

– Ах, Боже мой! Какие же грешки совершили вы, графиня, если на вас наложено такое покаяние?

– Если я вам скажу, вы мне не поверите.

– Клянусь честью дворянина, мне было бы очень любопытно это узнать.

– Мой духовник упрекал меня в самых сильных выражениях, что я интересуюсь участью одного фрондера, и угрожал за это вечной погибелью моей души.

– Скажите, пожалуйста. Вам надо переменить духовника.

– Я серьезно думала об этом, когда ваше высочество встретили меня, и, так как случай прислал мне такого хорошего советника, мне ничего более не остается, как посоветоваться с ним.

– Графиня, выберите коадъютора.

– У него больше кающихся, чем минут в сутках.

– Это клевета.

– Да, да, защищая его, вы говорите о себе.

– Разве у меня есть кающиеся?

– Клиентки, если вы хотите!

– Вы хорошо знаете, милая графиня, что у меня только одна клиентка.

– Кто же это?

– Надо ли называть ее?

– Может быть, я? О, какое сумасбродство! Какой вы ветреник!

– Вот что значит искренность! Нам не верят, потому что все мужчины имеют репутацию непостоянных.

– А герцогиня Лонгвилль? А герцогиня Монбазон? А герцогиня Шеврез? А мадам Фьеск? А…

– Ради Бога, графиня…

– А Жантон, Марго, Като, Луизон, Марион, Жарникотон?…

– Пощадите меня!

– Двор и город, переулки и рынки, монсеньор. Признайтесь, что я была бы в обществе слишком многочисленном, чтобы надеяться отнять у вас час… в неделю.

– Вы восхитительны, но…

– Я не говорю об одной даме…

– Какой даме?

– Эту вы угадываете.

– Нет, клянусь душой.

– Я не скажу вам ее имя, но я отведу вас туда, куда она посоветовала мне вас отвести.

– Куда это?

– К коадъютору, чтобы по вашему ходатайству он выбрал мне духовника.

– Графиня, вы смеетесь?

– Нет, клянусь вам, – отвечала графиня с величайшей серьезностью.

– Ну! Пойдемте к коадъютору.

– Сюда, герцог, вот в эту калитку.

– Хорошо, мы уйдем отсюда, милая графиня, но позвольте мне прежде дойти до конца аллеи, я вижу там некоторых господ, которым мне не хотелось бы уступать дорогу.

– Э! Монсеньор, мне кажется, эти люди слишком веселы.

– Это правда.

– Они расположены затеять ссору со всеми, и я была бы в отчаянии…

– Не советую никому затевать ссору со мной, графиня. Этим господам менее, чем кому бы то ни было, – если не ошибаюсь, в первом ряду маркиз Жарзэ и герцог Бар.

– Именно так.

Графиня видела, что не осталось никакой возможности не допустить принца, храброго и смелого, следовать по начертанному им пути. Обе группы, шедшие навстречу друг другу, находились уже шагах в тридцати одна от другой, когда у калитки сада, выходившей на реку, возник большой шум.

– Это что? – спросил Бофор, остановившись и указывая на берег кончиком своей трости.

– Это добрые люди, произносящие ваше имя, монсеньор.

– Да, я слышу.

– Часовой не пускает их в сад.

– Надо узнать, чего они хотят, я пошлю кого-нибудь туда.

Герцог обернулся к окружавшим его дворянам, но крики усилились и вынудили его самого поспешно направиться к калитке.

– О, Боже! – вскричала графиня Фронтенак, последовавшая за ним, – я примечаю в толпе окровавленного человека.

Герцог, подойдя к калитке, сделал знак солдату, который пропустил толпу. Толпа состояла из людей разного звания, в ней больше всего было рыночных носильщиков, а также множество торговок – с растрепанными волосами, с пеной у рта от гневных выкриков.

– Герцог Бофор! Герцог Бофор! Мщение! Мщение!.. – кричали женщины, между тем как мужчины только испускали глухие восклицания, хотя и сдержанные, но похожие на отдаленный рык льва.

– Что такое? – спросил герцог, подходя с той благородной осанкой, и с той совершенно особенной грацией, которые так легко покоряли сердца черни.

Круг раздвинулся перед ним, и он очутился около Жака Мансо, которого, с окровавленной повязкой на лбу, поддерживал какой-то молодой человек.

– Монсеньор, – сказал молодой человек, – я племянник Жака Мансо, который захотел сам обратиться к вам за правосудием.

– Говори, друг мой, – обратился герцог к носильщику.

– Монсеньор, вы всегда поддерживали слабых против сильных, и я пришел просить вас приказать возвратить мне мою дочь.

– Твою дочь?

– Да, мою старшую дочь, похищенную, вероятно, каким-нибудь старым… Она исчезла, мать разыскивает ее по всему Парижу, кричит ее имя на всех улицах, надеясь таким образом найти убежище убийц.

– Но как же это случилось?

– Монсеньор, – ответил молодой человек, – ради Бога, не оставляйте нас! Я люблю Маргариту всей душой, она моя невеста, если она не будет мне возвращена, я наделаю много бед.

– Она будет возвращена тебе, друг мой, клянусь тебе, клянусь вам всем. Но для того, чтобы выполнить обещание, надо прежде всего узнать виновника этого гнусного поступка.

– Монсеньор, я осведомлялся, – отвечал Ренэ, – и узнал, что в этом деле замешан один из ваших людей.

– Один из моих людей?

– Ле Мофф, – сказал Жак, – я узнал его среди тех, которые так отделали меня, а мой племянник Ренэ уверился в этом, расспросив одного из разбойников, которыми тот командует.

– Мофф не мой, – отвечал герцог, – это негодяй, нанимаемый кем угодно, пока не попал на виселицу.

– Человек мне признался, что Ле Мофф служит вам уже

три дня.

– Неправда, человек солгал.

– Герцог, мы не сомневаемся в вашем слове, вы довольно известны парижанам, но теперь мы лишены вашей помощи и надежды на мщение.

– Монсеньор, – сказал носильщик, – я прошу вашего правосудия не за тот удар шпаги, который я получил. Слава Богу, у меня голова крепкая, я выздоровею, но моя дочь…

– Твою дочь я хочу тебе возвратить, но для этого мне нужен Мофф, я сумею заставить его признаться, где он ее спрятал. Если будет нужно, я отдам его в Шатле.

– Где он может быть? – спрашивали друг друга присутствующие.

– Он основал свою главную квартиру в «Красной Розе», – сказал кто-то в толпе.

– Он исчез оттуда с нынешнего утра, – возразил Ренэ.

– Двадцать пистолей тому, кто приведет его ко мне, – сказал герцог.

– Деньги выиграны, монсеньор! – раздался громкий голос позади всех.

Толпа тотчас расступилась, и глазам всех предстал разбойничий атаман. Он стоял, спокойно прислонившись к дереву, скрестив руки, дерзко надвинув набекрень шляпу и держа шпагу между ног.

– Вот Ле Мофф! – сказали все не без страха.

Мансо, подняв голову, подошел к тому месту, откуда раз-

дался голос, так знакомый ему. Но Ренэ опередил его и собирался броситься на атамана разбойников, которого по справедливости считал виновником своих несчастий.

– Позвольте! – сказал Ле Мофф, протягивая руку вперед, – я только герцогу Бофору дам отчет в своем поведении.

На эти слова толпа ответила ропотом, и, может быть, популярность Бофора пострадала бы от намека разбойника, если бы любовь, внушаемая им народу, не была так глубока.

– Подойди и говори громко, – приказал принц, делая знак своей тростью, – я не имею секретов от этих добрых людей. Если им интересно узнать, что ты сделал с молодой девушкой, ты должен говорить при них.

– Э! Монсеньор, очень мне нужна девчонка такого рода.

– Негодяй! – закричал Ренэ, угрожая Ле Моффу.

– Зачем же ты ее похитил?

– Можно ошибиться.

– А! – сказал принц, смутно угадав, в чем дело.

– Возвращайтесь домой, господа Мансо, дядя и племянник, вы найдете там мадемуазель Маргариту здоровой и невредимой.

– Ты говоришь правду? – вскричал носильщик.

– Я сам отвел ее туда десять минут назад.

– Если ты это сделал, я прощаю твои прежние злодеяния и возвращаю тебе мое уважение.

– Ступай! – произнес разбойник с беззаботным видом, показывая, как мало он дорожил мнением этого честного про-

стого человека.

– Друзья мои, – сказал герцог, – вы видите, виновный берется загладить свою вину, будем надеяться, что все забыто.

– Да здравствует герцог Бофор! – закричала толпа, и часть ее пошла за обоими Мансо, а остальные остались любоваться герцогом, который продолжал свой прерванный разговор с графиней Фронтенак.

– Маркиз Жарзэ прошел! – проговорил герцог, смеясь. – Он скажет, что я отступил перед ним.

Он хотел продолжать прерванную прогулку, но подошел Ле Мофф.

– Извините, монсеньор, – смело сказал он, сняв шляпу, перья которой коснулись земли.

– Ты хочешь сказать мне еще что-нибудь?

– Да, монсеньор.

– Ну, говори.

– Я могу говорить только вашему высочеству.

– Я уже тебе объяснил, что не люблю этого. Может быть, мне понадобятся когда-нибудь твои услуги, но знай, что ты служишь не мне.

– Монсеньор, вы мне оказали бы большую честь, я охотнее служил бы вашему высочеству, чем любому из всех придворных вельмож.

– Я не отплачу тебе таким же комплиментом.

– Но вы удостоите меня выслушать?

– Говори же, если ты настаиваешь.

Герцог подошел к разбойнику, держа свою трость так, чтобы сохранять почтительное расстояние.

– Монсеньор, я пришел за тем, что вам известно.

– Что?

– Вы приказали передать мне, чтобы я пришел сегодня в Тюильри просить у вас остальную сумму.

– Какую сумму?

– Вам это известно.

– Перестань говорить загадками, негодяй, или я тебя прогоню. Объяснись яснее, я тебя не понимаю.

– Вчера ко мне пришел один человек и велел мне похитить… кого – вам известно. Он дал мне двести пистолей и обещал еще двести потом.

– Ты бредишь! Я велел тебе похитить дочь этого простого человека?

– Я сделал это от вашего имени.

– Негодяй, ты сделался сообщником в недостойном поступке.

– Которым пользуетесь вы, ваше высочество, – сказал разбойник с недоброй улыбкой.

– Которым пользуюсь я? Говори, я приказываю тебе. Объясни эту мрачную тайну, она начинает меня пугать.

– Вчера после того, как я принес известную особу в «Красную Розу», я выставил в окне условленный сигнал, а через час вы вошли в гостиницу в маске…

– Ты лжешь…

– Я видел сам.

– Презренный самозванец, давший тебе подобное поручение, воспользовался моим именем, чтобы совершить гнусный поступок.

И герцог, бросившись на Ле Моффа, схватил его за горло и позвал на помощь. Вельможи, стоявшие шагах в десяти, подбежали помочь герцогу, но разбойник успел вырваться из рук Бофора и, бросившись назад, обнажил шпагу и встал в оборонительное положение за толстым деревом.

– Сдайся, тебе не будет сделано никакого вреда, – предложил Бофор.

– Благодарю, монсеньор, но что-то я не доверяю словам принца.

Все бросились со шпагами в руках на негодяя, но он пустился бежать и скоро очутился на краю довольно широкого рва, за которым возвышалась небольшая стена, служившая оградой саду. Вельможи настигали уже Ле Моффа, тот сделал усилие и перепрыгнул через ров. Не дожидаясь, когда вельможи последуют его примеру, он начал перелезать через стену с ловкостью кошки или вора. Напрасно герцог бросил в него камень, Ле Мофф с громким хохотом спрыгнул по другую сторону стены.

– Я найду тебя, негодяй! – прокричал Бофор.

– И в тот же день, монсеньор, – рассмеялся разбойник за стеной, – вы мне заплатите двести пистолей.

– Что такое, принц? Что все это значит? – спрашивали

вельможи.

– Господа, этот человек был орудием гнусного заговора, и я с ним разделаюсь, клянусь вам… Но кто заговорщик?… Заговорщик кто?… О, я должен это узнать, от этого зависит моя честь.

– Ваша честь, герцог? – удивились присутствующие.

– Надеюсь это выяснить. Но как? Как? Все следы ускользают от меня.

– Расскажите.

– Нет, оставьте меня, прошу вас. Я хочу разгадать тайну и найти начало этой темной проделки. Мне нужны все шпионы, которыми располагает коадъютор. Я узнаю все.

Герцог, едва поклонившись своим друзьям и графине Фронтенак, которая безмолвствовала от удивления и испуга, поспешно направился к той калитке, в которую ушли Мансо и чернь.

Когда герцог дошел до калитки, перед ним вдруг появилась закутанная в плащ женщина и, протянув руку, с торжественным видом преградила ему путь.

– Герцог де Бофор, – заговорила она, – можете вы мне сказать, где вы были в эту ночь?

Бофор с любопытством смотрел на незнакомку. Но не смог разглядеть ее лицо, только несколько светло-русых локонов выбивались из капюшона, покрывавшего ее голову.

– Милостивая государыня, – медленно произнес он, – такой вопрос…

– Я задаю его честному человеку, которого прошу мне ответить.

– Я не могу.

– О! Я знаю, что вы славитесь рыцарской любезностью и не хотите компрометировать некую особу, но мне известно, в чем вас обвиняют.

– Гнусная клевета!

– Итак, вы отпираетесь от того, что провели ночь в гостинице «Красная Роза»?

– Всеми моими силами и всей моей честью.

– Хорошо. Вы не получали записки?

– Нет. Если она была от вас, я об этом сожалею.

– К счастью, она непонятна другим, – задумчиво произнесла дама и хотела уйти.

– Но теперь позвольте мне вас спросить… – сказал Бофор, удерживая ее движением руки. – К чему эти вопросы?

– Я объясню вам, когда вы найдете человека, который осмелился воспользоваться вашим именем, чтобы совершить это гнусное злодеяние.

– Когда я вас увижу?

– Вы узнаете это после.

– Я уверен, что знаком с вами.

– Может быть, – отвечала дама с едва сдерживаемым вздохом.

– Но… – начал герцог и хотел взять ее за руку.

– Не следуйте за мною, прошу вас, я обращаюсь к вашей

чести.

Незнакомка бросила сквозь маску взгляд, который ошеломил герцога, и быстро пошла к набережной, где села в поспешно отплывшую лодку.

Бофор не стал преследовать ее и погрузился в глубокие размышления.

– Светло-русый локон! Только женщина, которую я любил, и та, которую люблю теперь, имеют такие волосы, где золото и солнце сливаются в таких восхитительных оттенках… Которая из них?

Он вдруг вздрогнул, внезапная краска покрыла его лицо.

– О! Эти бедные Мансо, надо их утешить, помочь им. Рынки провозгласили меня своим королем, я прежде всего обязан позаботиться о моем народе.

Один, без своей обычной свиты, он направился к набережной.

Глава 4. Королевство герцога Бофора

В те времена парижские рынки были далеко не тем великолепным монументом, который ныне составляет предмет зависти целой Европы – это было просто ограниченное пространство между улицами Сен-Дени, Прачечной и Железного ряда.

Со всех сторон фонтан Невинных окружали скромные лавчонки; товары на лотках и столах были большей частью под огромными зонтиками, защищавшими их от бурь и непогоды.

Место госпожи Мансо находилось на северной стороне от улицы Сен-Дени и почти посредине Железной улицы. Верная своим привычкам и покупателям, госпожа Мансо явилась на свое место рано на заре. Но беспокойство терзало ее душу, у нее не было сил вести торговлю, и вскоре она пошла по улицам, призывая громкими криками Маргариту, бросая на каждый дом взгляд разъяренной волчицы. Ярость и скорбь волновали ее сердце. Мало-помалу толпа женщин собралась вокруг нее.

Однако Мофф не солгал.

Едва возвратилась она домой, полоумная от печали и усталости, как вдруг кто-то бросился ей на шею.

То была Маргарита.

– Матушка, это я! – радостно закричала она.

Мать крепко прижала ее к своей груди. Долго стояли они, обнявшись и вдруг обе оглянулись.

Глазами Маргарита искала людей, которые привели ее домой, и от которых она вырвалась, увидев мать, но они оба исчезли.

– Мы уже знаем, кто тебя похитил, – сказала мать, угадывая ее мысли.

– Знаете? – удивилась Маргарита, с испугом глядя на мать.

– Да, сейчас узнали. Твой отец тоже искал тебя, забыв о своей ране.

– Батюшка ранен?… Правда, а я было забыла.

– Отец, опираясь на Ренэ, тоже звал тебя громким голосом, тогда ему закричали со всех сторон: «Маргариту похитил герцог Бофор».

– Герцог! Полноте, матушка, не верьте этому.

– Я и не верю, однако это имя повторяли все, и твой отец отправился к герцогу.

– О, Боже! Мне надо… – закричала Маргарита, вырываясь из рук матери.

– Что тебе надо?

– Нет, это не он! Нет, нет… я уверена, не он, однако… тоже белокурые волосы… Ах! Если это так… Какой позор!

– Маргарита, что с тобой?

– Боже мой… у меня темно в глазах… Какие слова… Мне дурно, матушка, я умираю.

Бедная девушка упала без чувств, и если бы мать не поддержала ее, она разбила бы себе голову.

С помощью соседок, безмолвных и испуганных зрительниц этой сцены, госпожа Мансо перенесла дочь в комнату.

С самого утра малютка Мария была заперта одна в доме. Увидев мать, она бросилась к ней навстречу с улыбкой на лице и с глазами, полными слез: бедняжка не понимала, зачем ее оставили одну.

Но она перестала улыбаться, когда увидела без чувств сестру, которую положили на постель.

– Что с нашей Маргаритой? – спросила она.

– Ничего, – ответила мать, отстраняя ее.

– Не хотите ли, матушка Мансо, чтобы я увела с собой Марию на рынок? – спросила одна из соседок.

– Нет! – воскликнула бедная мать, с жаром прижимая к груди свою малютку, – как бы и ее не украли!

– Какие глупости!

– Вчера еще радость царствовала в нашем доме, а теперь!

– Чего же горевать? Дочь ваша вам возвращена.

– Возвращена! – повторила госпожа Мансо, бросая мрачный взгляд на Маргариту.

Неподвижно лежала Маргарита, не отвечая на вопросы, не пошевельнувшись от спрыскивания холодной водой.

– У нее лихорадка! – сказала соседка.

– Надо сбегать за доктором Робером, – заметила другая, – он пустит ей кровь.

– Нет, – возразила госпожа Мансо, – напротив нас живет господин Мондор, сходите за ним.

– За этим шарлатаном?

– Это настоящий ученый доктор, – настаивала госпожа Мансо, суетясь около дочери.

– Но он теперь у Нового моста продает свои лекаретва.

– Правда? Так сходите за господином Робером.

Одна из женщин поспешно вышла, но почти в ту же минуту вернулась, ведя за руку толстого старика с большим веселым лицом, которому тот старался придать выражение суровости и величия.

– Вот и господин Мондор, я захватила его у порога его дома, – сказала соседка, сторонясь, чтобы уступить дорогу лекарю.

Толстяк подошел к больной и с важностью какой-нибудь знаменитости медицинского факультета взял ее за руку, чтобы пощупать пульс.

– Тут нет никакой опасности, просто обморок от сильного волнения.

– Но она умирает, – сказала госпожа Мансо.

– Говорю вам, нет никакой опасности. Если Богу будет угодно, бедная малютка завтра же пойдет с вами на рынок, и я буду любоваться ею с моих подмостков.

– Если Богу будет угодно!

– Я сказал «если Богу будет угодно» потому, что теперь по милости злодея Табарена я изгнан с Нового моста.

– Ради самого Бога, господин Мондор, обратите внимание на мою бедную дочь.

Доктор, призванный вернуться к делу, поставил свой ящичек, открыл его с таинственным видом и, вынув пузырек, дал понюхать Маргарите.

Она тотчас пришла в себя и протянула обе руки к матери, которая бросилась к ней, рыдая и проклиная виновников похищения.

– Тише, милая матушка, – сказала Маргарита, – помолчим, пока придет батюшка: о таких делах должны рассуждать мужчины.

– У твоего отца нет другой воли, кроме моей, а я непременно требую мщения!

– Но госпожа де…

Маргарита вдруг остановилась, увидев вокруг себя много посторонних. Желая отвести от себя общее любопытство, указала матери на толстого Мондора, неподвижно стоявшего у постели и, казалось, предававшегося самым глубоким и мрачным соображениям.

– Сколько я должна вам заплатить, господин Мондор?

– Ах, любезнейшая госпожа Мансо, если бы этот мошенник Табарен не изменил мне так коварно, я считал бы за счастье быть вам полезным, но теперь у меня впереди только нищета, по такому случаю осмелюсь у вас попросить один ливр.

Торговка пошарила в своих громадных карманах и доста-

ла оттуда маленькую серебряную монету, которую бедняк принял с благодарностью. Предписав некоторые легкие домашние средства, он вежливо раскланялся с кумушками и вышел с величественным видом.

Мало-помалу разошлись все соседки, и через час Маргарита была на ногах.

– Матушка, пойдем сейчас же на рынок.

– Как это можно! Ты больна, Маргарита!

– Молва об этом приключении распространилась повсюду и могла дать повод к разным сплетням, а как меня увидят, то прикусят языки.

– А какое нам дело до них? Тебя похитили вместо госпожи Лонгвилль, и я очень рада за нашу добрую герцогиню.

– Ах! Матушка, разве вы не знаете?…

– Что такое?

– Ничего, – отвечала Маргарита, спохватившись, – успела ли герцогиня уйти безопасно?

– Ее проводили, как только рассвело, твой дядя Тома и Ренэ. Твой кузен вернулся сообщить мне, что она в безопасности, а дядя ушел в Гонесс.

– Бедный Ренэ! – вздохнула Маргарита, но тотчас же, прогоняя печальные мысли, взяла мать за руку и сказала: – Идем же, матушка, на рынок.

– Опять.

– Это необходимо.

Маргарита произнесла эти слова с такой твердостью, что

мать, непреклонная и властолюбивая, беспрекословно покорилась дочери.

Госпожа Мансо пошла наверх, где послышался голос маленькой дочери, и вскоре вернулась, держа ее за руку. Маргарита подхватила малютку и с восторгом расцеловала. Затем они вышли втроем и, заперев за собой двери, попросили соседей сказать синдику, что ушли на рынок.

– Так это бездельники метили повыше, когда похищали тебя? – спросила госпожа Мансо, увидев, что от ходьбы на открытом воздухе на щеках дочери опять заиграл румянец.

– Не знаю, но верно то, что они действовали по злому умыслу, потому что злодейски поступили с молодым человеком, который пытался защитить меня.

– Однако они не убили этого великодушного человека?

– Кажется, ему не легче от того, что его не убили: когда я выходила из гостиницы, мне сказали, что какая-то дама с Сент-Антуанской улицы, бывшая, вероятно, свидетельницей его благородного поступка, приказала перенести его к ней в дом.

– Уж не жена ли это советника, госпожа Мартино?

– Именно так.

– Ну, конечно, она большая охотница до красивых молодцов и ловких воинов, – заметила торговка, улыбаясь.

Страшная суматоха царила на площади, когда госпожа Мансо с детьми показалась там. Везде видны были грозные, взбешенные лица торговок, и в каждой отдельной куч-

ке непременно было несколько мужчин, явно старавшихся подзадорить женщин.

– Ну, я так и думала, – сказала Маргарита.

Она подошла к толпе и тотчас услышала, что причиной всех толков и угроз было ее похищение; об этом происшествии толковали вкривь и вкось. Маргарита хотела было объяснить им, в чем дело, но, к несчастью, она попала в толпу, где никто ее не знал. Малютка Мария, которую она держала на руках, расплакалась, когда все эти грозные лица обратились к ним.

В это время подошла матушка Мансо. Как особа, известная всему рыночному свету, она заставила в ту же минуту всех замолчать и слушать себя.

– Это дочь моя, – сказала она. – Смотрите на нее. Она возвращена мне, и если она хочет говорить с вами, так вы ее должны выслушать.

– Ах! Эта Мансо хочет говорить в защиту своего любезного герцога Бофора! – произнес с коварным умыслом человек, руководивший раздражением толпы.

– А отчего бы и нет? – спросила госпожа Мансо, подбоченясь. – Уж, конечно, такой мошенник, как ты, не помешает мне. В чем ты можешь упрекнуть нашего славного принца?

– Ни в чем, – отвечал он, увидев, что все головы повернулись с благосклонностью к госпоже Мансо.

– Значит, ты или злодей, или неблагодарный.

– Да я знаю его! – подхватила тетушка Фортюнэ, старши-

на над селедочными торговками. – Ведь это Гондрен, бывший лакей госпожи Мартино, которого выгнали из ее дома за воровство.

– Это ложь! – закричал тот с досадой.

– Э! Да разве ты принят в число рыночных носильщиков, что нарядился в их мундир? – спросила госпожа Мансо.

– Принят, – отвечал он нахально.

– А с каких это пор?

– Вот уже два дня.

– Ну, приятель, ты не знаешь первой буквы из твоей азбуки. Иначе ты знал бы, что я хозяйка носильщиков, что мой собственный муж их старшина и что вот уже неделю Мансо не принимал ни одного нового носильщика.

– Он забыл упомянуть обо мне.

– Да это шпион Мазарини! – закричала Фортюнэ.

– Шпион! – пронеслось между торговками со взрывом внезапной ярости.

– Вон отсюда, мошенник, мы не знаем тебя! Отправляйся в другую сторону разливать яд твоей лжи и клеветы.

– Вот уж правда, – воскликнула старая селедочница, – прошло добрых четверть часа, как он не перестает чернить герцога Бофора.

– Не следовало этого допускать, тетушка Фортюнэ.

– Да здравствует герцог де Бофор! – закричала старуха. – Милостивый и благородный вельможа не потерпит ничего такого, что не было бы хорошо и честно!

– Да здравствует герцог де Бофор! – вторили хором кумушки, толкая со всех сторон незнакомца. С великим трудом ему удалось высвободиться из их рук и угрем проскользнуть в толпе.

Не успели затихнуть эти крики, как новое волнение охватило противоположную сторону площади. Там торжественно приветствовали Бофора.

Мансо вскарабкалась на скамью и увидела причину суматохи – прибытие герцога Бофора на рыночную площадь. Мансо поспешила объявить об этом всем окружающим.

– Он! – произнесла Маргарита, бросившись внутрь лавки. Она притаилась в уголке с сестрой на руках.

Все женщины побежали к фонтану Невинных. Принц взошел на первую его ступеньку, чтобы отвечать на пламенные приветствия толпы.

– Друзья мои, – сказал принц, возвышая голос, – не хотите ли меня послушать? Мне надо с вами переговорить.

– Да, да, говорите! – отвечали все единодушно и восторженно.

– Дети мои, – продолжал герцог громким и мужественным голосом, так что поневоле заставлял себя слушать. – Сегодня распространяли обо мне гнусную клевету. Я знаю, откуда идут эти слухи: мои враги выдумали их с умыслом отнять у меня ваши честные и верные сердца.

– Без огня дыма не бывает, – произнес голос в толпе.

Все глаза обратились в сторону, откуда послышался го-

лос. Госпожа Мансо, стоявшая в первых рядах, тотчас узнала Гон-дрена, ложного носильщика, только что прогнанного с площади.

Гондрен тоже узнал ее, и намеревался было опять ускользнуть, но Мансо проворно кинулась в его сторону и при общих рукоплесканиях поймала его за фалды.

– Ваше высочество, – сказала она, – вот один из ваших врагов: он-то знает, почему наговаривает на вас.

Гондрен попробовал опять вывернуться, но его держали очень крепко. На нем была одежда рыночных носильщиков, но его руки, хотя и не очень белые и нежные, но все же не имели огрубелого вида рук тех людей, чье платье он надел.

Медленно подошел к нему Бофор и внимательно рассмотрел его.

– Какое зло я тебе сделал? – спросил принц кротко.

– Никакого, – свирепо отвечал тот.

– Так зачем же ты клевещешь на меня?

– Да что я, пришел на исповедь, что ли? – снахальничал человек, когда увидел кроткое и благосклонное выражение лица принца.

– Нет, ты не на исповедь пришел, но так как ты не намерен отрекаться от злодейств, то получишь казнь от моей руки.

При этих словах герцог отдал свою трость ближайшей женщине, сам же, засучив кружевные нарукавники, высунул кулаки.

– Выпустите-ка его, матушка, – продолжал он, обраща-

ясь к Мансо. – Я хочу разрешить наш вопрос на деле. Нука, негодяй, защищайся, и мы посмотрим, так ли силен твой кулак, как язык.

Хотя открылась рука нежная и вполне аристократическая, однако белые кулаки оказались так простонародно мускулисты, что отбивали всякую охоту испытать их на себе.

– Я не дерусь с принцами, – пытался отговориться Гондрен, пятясь назад.

– Врешь, трус! Не уважение, а страх тебя удерживает. Ступай вон, негодяй, ступай вон!

– И чтобы твоей ноги не было на рынке, – подхватила госпожа Мансо, подтолкнув его с такой силой, что он наверное полетел бы наземь, если бы стена людей не удержала его.

– Погодите минуту! – закричала Фортюнэ, схватив Гондрена. – Мы не хотим иметь шпионов среди нас. Смотрите, вон наш Мансо идет.

Действительно, вдали показался синдик, сопровождаемый толпой, которая вместе с ним возвращалась от Тюильри.

– Да здравствует герцог Бофор! – закричал синдик с сияющим лицом.

– Эй, Мансо! – позвала Фортюнэ.

– Что надо?

– А тут этот молодец нарядился в платье носильщика и говорит, что вот уже два дня, как его приняли в число носильщиков. Правда ли это, товарищ?

– Чисто соврал, – сказал синдик, спокойно глядя на Гонд-

рена, – я никогда не видел его.

– Это Гондрен, бывший лакей госпожи Мартино, – закричала Фортюнэ, – ведь я говорила вам, что это шпион Мазарини.

– Шпион! – пронеслось по толпе.

– Смерть шпиону! – заревела толпа.

И прежде чем Бофор успел возразить, Гондрена подняли, как перышко, и отнесли на тот край площади, где стояла виселица. На этот час «Парижский господин» – палач отсутствовал. Но удальцы достали длинную и крепкую веревку и надели ее на шею негодяя. Тот был бледен, как будто страшная смерть уже схватила его в свои объятия.

– Ваше высочество! – закричал он, насколько хватило сил. – Помилуйте!

Не напрасно произнесен был предсмертный призыв; герцог Бофор, оттесненный толпой, расталкивал ее направо и налево, расчищая себе дорогу к осужденному.

– Помилосердствуйте! Ваше высочество! – истошно вопил Гондрен.

Герцог Бофор ухватил за ногу человека, карабкавшегося на виселицу с намерением прицепить веревку, и стянул его вниз при громком хохоте толпы. Ей по вкусу пришлось это зрелище.

– Нет ему помилования! – заревели окружающие Гондрена.

Но герцог, не обращая внимания на эти крики, подошел

к Гондрену и спокойно снял петлю с его шеи.

– Зачем? Ведь это шпион! – зароптала толпа.

– Друг ли я вам всем? – воскликнул герцог энергично.

– Да, да, – кричали женщины.

– Ваш ли я король? Рыночный ли я король? – еще раз прокричал Бофор что было сил.

– Да, да! Да здравствует Бофор! – заревели тысячи голосов со всех концов рынка.

– Так слушайте же: как король я имею право миловать и дарую жизнь этому человеку.

– Справедливо, – признала госпожа Мансо, – его светлость имеет полное право.

– Точно, что имеет право, – подтвердила Фортюнэ, держа за руку Гондрена.

– Так пустите же его, тетушка, – сказал Бофор, осторожно отстраняя руку старой селедочницы.

– Ах! Ваше высочество, вы когда-нибудь пожалеете о том, что помиловали его, – возразила она. – Такие канальи не помнят даже добра, которое им делают.

– Тем хуже для него, – заметил герцог, улыбаясь.

По знаку Бофора толпа расступилась и дала свободный проход Гондрену. Едва держась на ногах, бледный как мертвец, Гондрен поторопился скрыться из виду.

Глухой ропот сопровождал его бегство: на всех лицах видно было глубокое разочарование.

Герцог оправил кружевные нарукавники и, взяв свою

трость из рук торговки, вежливо поблагодарил ее, потом взошел на ступеньку у ворот позорного столба и начал приветствовать народ при громких восторженных криках – красноречивое доказательство любви его добровольных подданных.

– Друзья мои, – сказал он. – Я должен открыть виновников распространения этой гнусной клеветы, посредством которой хотят ввести вас в заблуждение и очернить меня. Я должен доискаться до источника зла и полагаюсь на вас, как и вы всегда можете положиться на меня.

Маленькая речь имела самый поразительный эффект. Окружавшие герцога снова принялись приветствовать его, крича во всю глотку. В этом восторженном реве было столько грозного, что по телу Мазарини пробежала бы дрожь, если бы он это услышал.

– Да здравствует герцог!

– Да здравствует наш король!

– Да здравствует наш настоящий король! – закричали несколько человек подозрительной наружности.

Бофор сошел со ступеньки. Проходя сквозь толпу, жал руки направо и налево, на требования некоторых торговок с самым любезным видом подставлял щеки для поцелуев. С такой свитой прошел он всю площадь. Толпа решила сопровождать своего любимца до Вандомского дворца, наполнив парижские улицы криками любви и радости.

При виде единодушной овации, предметом которой был

герцог Бофор, два человека испытали сильные, но различные чувства: один – ревность, другой – зависть.

Ревновал Ренэ, племянник Мансо. Следуя за синдиком, он тоже прошел на средину рынка и увидел, что Маргарита притаилась в темном углу лавки.

– Маргарита, – сурово произнес он, входя в лавку. – Зачем ты здесь, когда все там?

– Я боялась за Марию… там могли задавить ее.

– Ты плакала? Почему ты краснеешь?

– Я? Совсем нет, ты ошибаешься, друг.

– У тебя и теперь глаза мокрые от слез… Маргарита, тебе стыдно, что ты здесь!

– Стыдно? – воскликнула Маргарита, взглянув на него со страхом. – Ах, Ренэ, ты пугаешь меня!

– Пугаю! Я только люблю тебя!

– Ах! Ты перестанешь любить меня теперь.

– Несчастная! – воскликнул Ренэ, закрывая лицо обеими руками.

Вдруг девочка заплакала. Когда Ренэ взглянул на нее, она указала ему на сестру, лежавшую без чувств.

В это время раздавались радостные крики толпы, провожавшей своего короля.

Глухое восклицание ярости вырвалось из груди Ренэ, грозно поднялся его кулак в ту сторону, откуда неслись крики.

– Герцог Бофор! – воскликнул он, – во всей этой толпе,

может быть, я один ненавижу тебя!

Другой человек, чувствовавший зависть, стоял, притаившись, в углублении дома. Он совершенно закрыл лицо полями шляпы и складками широкого плаща.

Это был коадъютор.

– Мое похищение произвело эффект, – пробормотал он. – Но что было бы, если бы девушку не вернули?

Он пошел через узкий проход между рядами задних лавок и остановился у жалкой лавчонки около самого выхода. В этой трущобе копошилось четверо детей, на скамье сидела старуха, окруженная собаками и кошками, тут же стоял человек в черной одежде, которого на первый взгляд можно было принять за церковного служителя.

– Вот, монсеньор, теперь вы видели собственными глазами? – спросил он, выходя из-под навеса и следуя за коадъютором по улице Ферронри.

– Решительно вы правы, любезнейший де Мизри. Герцог Бофор стал очень популярен или даже, может быть, чересчур искренно любим народом. Теперь я понимаю, почему Мазарини не на шутку тревожится. До сих пор он считал его моей креатурой, я и сам убаюкивал себя такой же мечтой. Но сцена, зрителем которой я был, заставляет меня переменить мнение.

– И тем более, что ни де Бар, ни кардинал даже не подозревают истины…

– Что мы хлопочем об их делах и в то же время себя не

забываем? В этом будьте уж благонадежны… Но час, проведенный мной на рыночной площади, дал мне мысль употребить против Бофора такую же военную хитрость.

– Клевету?

– Тише! Разве можно вслух произносить такие слова?

– А у меня есть в руках преискусный человек, который давно уже работает в толпе.

– И как вы его называете?

– Гондрен.

– В таком случае, выберите другого, этот провалился на рынке. Он сам расскажет вам подробности своих злоключений. Нам нужен настоящий бунт на рынке, вследствие которого непременно должен быть повешен кто-нибудь.

– Немудреная вещь! Господин Мазарини приготовит на днях маленький указ о новом налоге.

– Мне хотелось бы чего-нибудь получше. Вы со своими людьми должны составить план бунта, а мои люди приведут его в исполнение.

– Вам стоит только приказать.

– У меня есть время подумать. Приходите завтра в Нотр-Дам и будьте в такой же одежде. Я открою вам тогда мои намерения.

Собеседники расстались на углу улицы Сент-Онорэ. Коадъютор выбирал самые темные и узкие переулки, чтобы незаметно проскользнуть в свой дворец.

«Да, – думал он, входя по потайной лестнице в свою ча-

совню. – Мне нужен настоящий бунт, чтобы погубить окончательно Бофора. Этот картонный паяц беспокоит меня. Пора выбросить его за окно. Если не подставить ему ножку, так рынок, чего доброго, провозгласит этого площадного короля королем Франции».

Коадъютор отворил дверь в свою часовню, которая поражала странностью убранства: обои, мебель, все украшения представляли сложные привычки хозяина. Священные изображения затмевались блеском и смелостью языческих картин и украшений.

– Да, – продолжал Гонди, любуясь собой в венецианском зеркале, – пора расчистить место. Посмотрим, чем лучше: кинжалом, ядом, грубой силой или красноречием?… Удар языком или удар мечом?… Никогда не должно поражать людей их собственным оружием. Мазарини надо уничтожить шпагой, Бофора – языком. Шпага пронзает, язык раздирает.

Глава 5. Опасно подсматривать за женщиной

Возвратимся, читатель, в гостиницу «Красная Роза», где мы оставили жертву, похищенную Ле Моффом.

Дама-инкогнито предложила капитану удостовериться, действительно ли никто не мог их подслушать.

– Бастильские камеры не так глухи, как этот кабинет, – отвечал Ле Мофф. – Его стены трех футов толщины. Заперев двери, тут можно без всякой опасности зарезать кого угодно: как тут ни кричи, никто не услышит.

Не без некоторого ужаса женщина взглянула на дверь, но бандит, по-видимому, не замечал ее движения и спокойно дал ей осмотреть толстую дубовую дверь, тщательно обитую.

– Хозяин каждой гостиницы имеет в запасе подобную комнату, – продолжал он. – Никто не может знать, что может случиться.

– Хорошо, – сказала она тихим голосом. – Прежде всего, вот вам доказательство того, что я не желаю заставлять вас даром терять драгоценные минуты.

– О! Милостивейшая государыня, – возразил капитан, взвешивая на руке тяжесть поданного кошелька, – когда говорят со мной так красноречиво, тогда я не торгуюсь за свои минуты.

– Это безделица, со временем вы получите лучшую награ-

ду. Но скажите, мне показалось, что вы сейчас были заняты какою-то дамой.

– Мы похитили ее. Только не для себя.

– И вы ее знаете?

– Как же не знать.

– Вы следили за ней со времени ее выезда из Манта?

– О! Разумеется. Но вы, кажется, знаете об этом деле столько же, сколько и я?

– Довольно, я не о ней пришла говорить с вами.

– Тем лучше, потому что в этом деле я нем как рыба, предупреждаю вас.

– Вы выдержали сильную борьбу. Я остановила лошадь на углу улицы и с любопытством следила за нею.

– Поистине, бывают же люди с таким поврежденным мозгом, – отвечал Ле Мофф, пожимая плечами. – Можно ли поверить, что нашелся такой молодец, который вздумал один вступить в открытый бой с моим отрядом.

– Да, он храбро сражался. Один ли он был?

– Один.

– Что вы с ним сделали? Надеюсь, вы не убили его?

– Гм! Кажется, он не заслужил лучшего. Думаю, что он теперь умирает в подвале.

– Надо посмотреть, так ли это, и оказать ему помощь, если еще не поздно; люди такого характера не из дюжинных.

– Я уже подумывал о том, и если, как мне кажется, это молодой петух, вырвавшийся из родного птичника, чтобы ис-

кать счастья в Париже, то можно ему предложить занятие. Мы не злопамятны: сегодня подеремся, завтра разопьем по-дружески чарку – и как ни в чем не бывало.

– Выслушайте же меня: вы храбры, капитан, я знаю это, вы преисполнены отваги и мужества и гораздо выше того положения, которое добровольно избрали.

– В этом случае я никак не могу пенять на себя. Клянусь вам, я делал все, что возможно честному человеку, чтобы завоевать себе приличное место в свете.

– Даже очень высокое, – подсказала дама, улыбаясь.

– Если на то ваша воля, – отвечал бандит, делая гримасу и поправляя латы на шее.

– Следовательно, вы можете взять на себя поручение, исполнение которого доставляет человеку все, что он хочет.

– Позвольте остановить вас на этом слове, чтобы пояснить вам, что мною обладает честолюбие, не знающее меры.

– Вы дворянин?

– Сын бретонского рыбака, двенадцати лет поступил юнгой на корабль, два раза совершил кругосветное плавание. Теперь я военный и деловой человек. С сознанием своего достоинства я бросился в мир приключений. Мы воюем, и наша война не осложняется тем, какое оружие попадается в руки, только бы стереть с лица земли предрассудки дворянства и привилегий.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила дама высокомерно.

– А то, что междоусобная война всегда кончается разрушением чего-нибудь и что при подобных столкновениях должности, деньги и почести достаются не тому, кто их домогается, а тому, кто умеет их взять силою.

Незнакомка не могла удержать гневного движения, она прикусила губу; Ле Мофф подметил молнии, сверкавшие в ее глазах, прикрытых маской.

– А это заставляет вывести заключение, – продолжал он, – что не надо быть дворянином для того, чтобы достичь своей цели.

– Может быть, вы правы, – отвечала дама, справившись со своими чувствами. – И в самом деле, пора привыкнуть к тому, что люди высшего достоинства пользуются выгодами от происшествий, приготовленных их трудами, и от подвигов, совершенных их руками.

– Вы совершенно понимаете меня, милостивая государыня.

– Хорошо. В таком случае вы без всякого колебания возьмете на себя важное поручение. На этот раз дело не в том, чтобы похитить какую-нибудь красотку для удовлетворения каприза знатного развратника, и не в том, чтобы выломить шкатулку у банкира или выбить дверь у врагов Мазарини или принцев, нет! Теперь дело идет о подвиге, который должен изменить вид всего государства и удивить целый мир.

– О! Как вы подстрекаете мое мужество и любопытство.

– Нетрудное дело, очень нетрудное для такого решитель-

ного и отважного удальца, каким считается знаменитый корсар, о котором мне так много говорили.

– Однако… – заметил Ле Мофф.

– Договаривайте же.

– Право, духу не хватает.

– Говорите все как есть: ваши слова мне больше нравятся, чем молчание ваше.

– В партии короля и принцев тоже нет недостатка в решительных и отважных удальцах, в офицерах, алчущих повышения, в авантюристах, ожидающих случая отличиться.

– Ну так что же?

– Так почему же – простите мне этот вопрос – почему же вам не обратиться прежде к этим преданным людям?

– Почему? Во-первых, потому что бывший корсар Ле Мофф доказал уже свою храбрость на деле, во-вторых, потому что такое дело не может быть выполнено одним человеком, как бы он ни был храбр, требует непременно помощников, а известно, что у Ле Моффа всегда бывает под рукою человек тридцать храбрецов, готовых на все и неспособных к измене.

– Вот это правда, – сказал бандит с некоторою гордостью.

– Так вы согласны?

– Сначала надо узнать, какие условия?

– Сто тысяч ливров.

– Ух! Игра стоит свеч, и мои товарищи будут довольны… Но… мне-то что же?

– Вам?

– Я не скрыл от вас, что питаю честолюбие.

– Вам – еще сто тысяч ливров.

– А еще что?

– Как еще? – спросила незнакомка с удивлением.

– Сто тысяч ливров – недурная пожива, но это только деньги, а вам известно, что мне стоит только захотеть, и шкатулка любого банкира будет взломана и я смогу набить карманы чужими деньгами.

– Так чего же вы хотите?

– Я хочу… пока я удовольствуюсь полком и титулом барона.

– Вы очень многого требуете.

– Объяснимся. Если не ошибаюсь, вы от меня требуете такое, что разом уничтожило бы все выгоды, даваемые мне междоусобной войной, которую ведут герцогиня Лонгвилль, коадъютор, парламент с королевой, принцами, а более всего с кардиналом. Известно, война – мой хлеб. Следовательно, мне необходимо приличное вознаграждение.

– Вывод очень логичен, – с улыбкой прошептала незнакомка. – Я вижу, что мы можем договориться.

– Вы очаровательны, – сказал бандит.

– Не забывайтесь! – произнесла она с гордостью.

– Я ваш душой и телом.

– Согласна.

– Но что же я должен делать теперь?

– Знаете ли вы гостиницы «Ангела» и «Дикаря» в Сен-Жерменском предместье?

– На Драконской улице, одна почти напротив другой?

– Так. Послезавтра надо поместить пятнадцать избранных человек в одной и столько же в другой гостинице.

– Понятно.

– Вы же должны, переодевшись нищим и на костылях, стоять у ближайшего столба… только…

– Только я постараюсь сунуть добрую шпагу в ближайшую кучу навоза?

– Именно так. Я вижу, что вы знакомы с искусными засадами. Итак, условились?

– Условились.

– В таком случае откройте кошелек, который я вам передала, рассчитывая на ваше согласие.

– Все золото! – воскликнул Ле Мофф со сверкающими глазами.

– Десять тысяч ливров, это только задаток. Достаточно для вас, полагаю?

– Даже для того, чтобы следовать за вами в ад, если надо, и чтобы слепо исполнять все ваши желания.

– Хорошо. Теперь я надеюсь, что вы согласитесь показать мне даму, которая у вас там находится?

– Вы желаете?

– Я желаю ее видеть.

– Только видеть и более ничего?

– Видеть и поговорить с нею.

– Согласен, но с условием.

– Что такое?

– Что она ни за какие блага не вырвется из моих рук… Так! Мне хорошо известны дамские прихоти: сначала они обращаются в огонь и пламя. Страсть – не хочу знать какая – ослепляет их, потом вдруг все проходит, буря утихла, и тут начинается нежное страдание. А там, как ни вознаграждайте друга Ле Моффа, – его репутация навсегда потеряна в глазах клиентов, удостаивающих его своею доверенностью.

– Какой же ты опытный мошенник, приятель Ле Мофф! Тебя ожидают успехи – это я предсказываю тебе.

– Итак, позвольте проводить вас, – сказал атаман, наполняясь гордостью: подобные похвалы казались ему необыкновенно лестны.

Со многими предосторожностями он вывел замаскированную даму из кабинета, дверь которого была устроена на особенных пружинах. Затем он повел ее по массивной лестнице, извивавшейся вдоль стены до самой двери первого этажа.

– Отворите, – сказала она.

– Сначала посмотрите. В делах, по-моему, прежде всего аккуратность. Если бы я имел честь знать вас, то просто сказал бы вам: там ваша соперница. Но согласитесь, можно и ошибиться.

При этих словах он отодвинул потаенное окошечко, сде-

ланное в двери.

Перед глазами незнакомки явилась привязанная к креслу женщина с кляпом во рту. Испуганными, полупомешанными глазами она смотрела на открывшееся окошечко, стараясь понять, какие новые враги покажутся в комнате.

Но дама в ту же минуту сама затворила форточку и в большом волнении спустилась с лестницы, скрывая в темноте бурные чувства, тревожившие ее душу.

Не поморщившись, она пересекла залу, где потешались кто как умел товарищи Ле Моффа. Когда же он отворил ей дверь на улицу, она высокомерно и смело прошла мимо него – прямо к лошади, которая в нетерпении била копытом и почти перегрызла уздечку, привязывавшую ее к коновязи.

Ле Мофф скрестил руки с такой ловкостью, которая сделала бы честь самому изящному придворному. Незнакомка уверенно поставила ногу на его руки и быстро вскочила на лошадь.

Но атаман держал узду в руках.

– Ну, чего еще хотите? – спросила она.

– Еще одно слово, очень важное, по-моему, хотя это для меня все равно.

– Что за слово?

– На кого должен я сделать нападение на улице Дракона?

– Вы узнаете, когда надо будет действовать.

Он выпустил узду, поняв, что тут ничего не выяснить. На этот раз незнакомка сама приостановилась.

– Послушайте, господин Ле Мофф, я уверена, что вам очень хочется знать, с кем вы имеете дело, но вы слишком искусны для того, чтобы прибегнуть к насилию. Итак, вы намереваетесь подсматривать за мной, чтобы выведать, кто я?

– Клянусь…

– Не лгите. Но слушайте же: я вам запрещаю – понимаете ли? Я запрещаю вам следовать за мной или подсылать кого-нибудь другого шпионить за мной.

– Никто не будет за вами следовать, – отвечал бандит с низким поклоном.

– Ступайте в гостиницу и заприте за собою дверь.

Ле Мофф повиновался. Амазонка ударила хлыстом лошадь и помчалась во весь опор.

Не сделала она и тридцати шагов, как встретила человека, тоже верхом, который проехал мимо.

– При мерцании звезд она, казалось, узнала его, ясно рассмотрев белокурые волосы, висевшие из-под шляпы и обрамлявшие черную маску на лице.

– Это он! – сказала она с яростным волнением. В голове мелькнула мысль последовать за всадником, но после недолгого размышления она удержалась.

«Впрочем, какое мне дело!» – подумала она. И с этими мыслями направилась в самый центр Парижа. Путь ее лежал в квартал городской Думы по темным безлюдным улицам, безмолвие которых нарушалось только топотом копыт ее лошади.

Однако, приближаясь к площади, она невольно оглянулась, как бы под влиянием внезапной мысли, и показалось ей, что какая-то тень с чрезвычайными предосторожностями скользит вдоль улицы.

«Этот негодяй следует за мной!» – подумала она.

Она пустила лошадь крупным галопом, чтобы топот по мостовой раздавался громче. Выезжая с площади на узкую улицу Мутона, она вдруг обернулась и увидела, что всадник, преследовавший ее, соскочил с лошади и прямо бросился за ней, вероятно боясь потерять ее в лабиринте узких переулков.

Таинственная дама была искусной наездницей; ни на минуту не останавливая свою лошадь, она спрыгнула на землю и, ударив хлыстом по разгоряченному крупу, заставила лошадь продолжать бег.

Исполнив это непростое упражнение вольтижирования, она затаилась у стены углового дома и стала ждать.

Прошло несколько минут. Преследовавший ее человек скоро поравнялся с ней, скользя вдоль стены в том направлении, откуда слышался лошадиный топот. Вдруг незнакомка появилась перед ним, загородив ему дорогу.

– Куда идешь? – спросила она смело.

Человек не ответил, но попятился назад, ошеломленный неожиданностью.

– Ле Мофф, ты изменник! – сказала она тихо, но с жестоким выражением.

Ноги его как будто приросли к земле – нежная, ослепительной белизны рука блеснула при лунном свете, направляясь к его груди. С ужасом увидел он в прекрасной руке пистолет. Он хотел отскочить, обнажить шпагу, но не успел пошевелиться.

Выстрел нарушил ночное безмолвие – тяжелое тело упало на землю. Таинственная дама свистнула, лошадь вернулась к ней. Быстро вскочив на нее, амазонка понеслась по темным улицам, не обращая внимания на окна, отворявшиеся в домах на звук пистолетного выстрела.

Глава 6. Дружеский совет

Совсем смеркалось, когда Бофор прибыл в дом архиепископа. Не поднимаясь по лестнице, он подозвал одного из слуг коадъютора.

– Не знаешь ли ты, во дворце герцогиня Монбазон?

– Она здесь, ваша светлость, – отвечал слуга.

«Непременно у нее ключ от этой тайны», – думал Бофор, шагая по лестнице.

В ожидании ужина в зале образовалось несколько обособленных групп. Роскошное гостеприимство хозяина всегда собирало за его вечерним столом множество друзей и знакомых.

Бофор не колебался, прямо подошел к самой блистательной группе, оживленной присутствием прекрасной герцогини Монбазон.

Неудовлетворенная судом королевы в ссоре с герцогиней Лонгвилль, герцогиня де-Монбазон возненавидела королеву и пристала к рядам Фронды, зная, что в междоусобной войне есть место для всякого честолюбия, для любой мести. По этому случаю ей не мешало знание того, что госпожа де Лонгвилль есть душа и руководящая мысль этой партии.

Герцогиня де-Шеврез, хотя и старше ее летами, была дочерью ее мужа. Редкая красота, необычайная, восхитительная внешность госпожи Монбазон вызывала восторг и удив-

ление мужчин, поклонников женских прелестей. Высокий рост, роскошные формы, черная копна волос, от природы несколько вьющихся – все придавало ей величавое очарование сановных венецианок или римских красавиц, для которых любовь и наслаждение были единственной целью жизни.

Надо сказать правду, что она не славилась простотой своих обычаев и чистотой нрава, но не мужчинам же упрекать за слабости эту дивную красавицу.

Для Бофора не было тайной, что он произвел сильное впечатление на сердце герцогини Монбазон и что ее бешеному характеру не сродни было выносить оскорбительное соперничество. Вот почему он надеялся через нее доискаться истины.

– А! Вот и сам герцог Бофор! – сказала герцогиня, увидев его. – Наверное, он откроет нам тайну этого дела.

– Какого дела?

– Как взрыв пороха разнеслась по всему Парижу эта молва, любезный герцог; другого разговора нет.

– Как же это я ничего о том не знаю?

– Всегда так бывает, что последним узнает тот, кто в деле был первым.

– Ага! Так это обо мне идет молва? – спросил Бофор смеясь.

– И молва самая жалкая.

– В самом деле?

– И если я беру смелость рассказать вам о ней, так это

потому, что я не верю ни единому слову этой клеветы. Так хорошо я вас знаю!

– О! Каким талантом вы обладаете, чтобы возбуждать мое любопытство.

– Итак, если мне суждено передать вам эту весть, знайте же, что маркиз де Жарзэ уверяет, будто заставил сегодня отступить перед собой одного из храбрейших вельмож королевства.

– Он солгал! – воскликнул герцог.

– Я так и знала, – подхватила герцогиня с видимой радостью.

– И вот вам клятва: завтра же он перестанет хвастаться.

– Как! Неужели ваше высочество согласитесь драться с простым дворянином?

– А я сегодня чуть-чуть не подрался с каким-то носильщиком на рынке.

– Вы, герцог? – воскликнула герцогиня Монбазон, и ее нежные ноздри раздувались от восторга при виде мужественной отваги, звучавшей в каждом слове принца.

– Да, клянусь честью! Какой-то негодяй, шпион, нарядившись в платье рыночного носильщика, оскорбил меня. Вы понимаете, что рыночный король не мог отступить от угроз какого-нибудь шалопая. Я передал мою шляпу и трость на хранение окружающим торговкам, засучил кружевные манжеты и выставил кулаки вперед, как английский боксер.

– Браво, герцог! – пронеслось между придворными, слу-

шавшими его рассказ.

– Негодяй струсил и бежал. Что касается Жарзэ, я не стану боксировать с ним, просто запрещу произносить выдуманную им ложь.

– Очень хорошо! – пронеслось между присутствующими. – Этого достаточно, и Жарзэ должен будет присмиреть.

– Однако, – заметил герцог Бриссак, – коадъютор сейчас рассказывал о новой выходке этого нахального маркиза.

– Это правда, – сказала герцогиня, – именно госпожа Фронтенак умоляла коадъютора не говорить вам о том.

– Так ли это?

– Госпожа Фронтенак, кажется, очень боится за вас.

– А вот посмотрим, – возразил Бофор, – я всегда люблю действовать начистоту и как можно скорее.

С этими словами герцог подал руку герцогине Монбазон, и оба отправились в гостиную, где председательствовал Гонди.

– Герцогиня, – сказал Бофор, замедляя шаг, – у вас своя полиция, вам известно почти все, что делается в Париже.

– Почти все – это чересчур много.

– Гостиница «Красная Роза» тоже находится в вашем реестре?

– Что это за гостиница?

– В ней находится главная квартира порядочного негодяя, Ле Моффа.

– Я знаю его. Вчера меня уверяли, что он убит. Но, веро-

ятно, у него всегда есть под рукой верный человек, готовый умереть за него, – отвечала герцогиня со спокойной беззаботностью.

– Вижу, что вы хорошо знаете «Красную Розу».

– Мне даже вспоминается, где она находится: на улице Сент-Антуанской, кажется?

– Точно так. И вот меня уверяли, герцогиня, что туда была приведена женщина…

– Из ревности! Да, герцог, из жесточайшей ревности, я должна в том признаться, – сказала герцогиня Монбазон, останавливаясь и смотря прямо ему в глаза. – Да, я была там прошлую ночь.

– Вы?

– Так вы этого не знали?

– Не имел никакого понятия.

– Так о ком же вы спрашиваете?

– Там была другая женщина…

– Делать нечего, я сделаю вам еще признание. Так как вы сами затеяли этот разговор, я выскажу вам все, что у меня есть на сердце.

– Говорите, герцогиня. Чем больше я думаю об этой интриге, тем меньше ее понимаю.

– Я люблю вас, герцог, – сказала она, и глаза ее загорелись страстью. – Я люблю вас такой пламенной любовью, такой страстью, которая составляет всю жизнь женщины. Вы это знаете и имели много доказательств тому. Но я ревнива,

ревнива до бешенства! Вдруг узнаю я вчера, что женщина, которую я и без того ненавижу по разным причинам, и, главное – вы любили ее, и хотя она отвечала вам холодностью, но это все равно – узнаю, что эта женщина будет похищена по вашему приказанию и укрыта в гостинице.

– Никогда! Подобное насилие не в моих привычках и не в моем характере.

Герцогиня заглянула ему в глаза.

– И притом же, – продолжал он, – ни одна женщина на свете не заслуживает подобного обращения. Я ничего не хочу через насилие.

– Ни одна женщина?

– Ни одна.

– Ни даже…

– Заканчивайте, герцогиня.

– Полноте, вы вполне понимаете.

– Клянусь, нет…

– Послушайте, герцог, я убеждена, что не вы были в этой гостинице вчерашнюю ночь.

– Следовательно, кто-нибудь приходил туда под моим именем, как меня уверяли?

– Кажется.

– Горе ему!

– Выслушайте же: я виделась с Ле Моффом, самым хитрым плутом, какого только мне случалось знать, и дала ему важное поручение, которое вы одобрите, когда я открою вам

его цель. Вам, как и всем моим друзьям, когда наступит нужная минута. По окончании делового разговора я велела этому человеку проводить меня к той женщине, которая похищена по вашему приказанию.

– Так вы знаете, стало быть, кто она?

– Да, бедная девушка из простолюдинок.

– Так это правда! – воскликнул Бофор с отчаянием.

– Не тревожьтесь, за чернь нечего бояться; их честь дорога только в глазах им подобных.

– Вы ошибаетесь, герцогиня, добродетель имеет право на уважение во всяком сословии, где бы она ни встретилась. Если та, о которой идет речь, получила малейшее оскорбление, то я принимаю его лично на себя и так отомщу, что в другой раз не придет охота подражать таким делам.

– Тише! Тише! Как вы разгорячились! А я надеялась… но через форточку, сделанную в двери той комнаты, где была заключена похищенная женщина, я узнала, что это не та соперница, которая страшит меня, и я ушла успокоенная.

Бофор вздрогнул, когда герцогиня заговорила о сопернице, и захотелось ему узнать что-нибудь побольше.

– Герцогиня, – сказал он ласкающим голосом.

– Что прикажете, ваше высочество?

– Неужели вы можете подозревать меня? Как допускать такие мысли обо мне?… Ведь это ужасно!

– Вот как!

– И что бы вы сделали, если бы гнусному злодею удалось

совершить это преступление и захватить ту особу… которую вы оскорбляете своими подозрениями?

– Я убила бы ее.

– Убить! Разве это можно?… убить вашею рукою.

– В случае надобности Ле Мофф удивительно изобретателен.

– Но жертва нашла бы защитников.

– И нашла на этот раз в первом прохожем, которого успела кликнуть из окна, только Ле Мофф скоро образумил его.

– Кровь была пролита?…

– Кажется, мне так послышалось, – сказала герцогиня равнодушно. – Речь шла о молокососе, которому судьба дала больше храбрости, чем счастья. Они порядком оттузили его.

– Ах! Я вижу бездну под моими ногами! Ясно – не простой случай руководил этим делом. Тут замешано злоумышленное желание погубить меня в мнении народа, как уже погубили при дворе.

– Это может быть.

– Уж не Жарзэ ли опять?

– Маркиз Жарзэ честнейший человек; он может поссориться с вами, может похвастаться, будто заставил вас отступить перед ним, но это совсем не то, чтобы под вашим именем совершать…

– Непременно надо проникнуть в эту адскую тайну… Может быть, я достигну этого с помощью коадъютора, у которого полиция действует в другом роде.

– Ступайте к нему, принц, только без меня. Здесь ожидают герцогиню Лонгвилль, а я, как вам известно, желаю по возможности избегать встреч с этой красавицей.

– Вы покидаете нас?

– Сегодня же, в полночь, я буду счастлива, если услышу от вас самих, что вы точно не замешаны в истории похищения этой госпожи.

– Но скажите же, что это за госпожа?

– Ступайте, ступайте к коадъютору; он, может быть, и скажет вам.

– Герцогиня, вы знаете, кто нанес удар?

– Ну так что же из этого? Я знаю.

– Произнесите это проклятое имя.

– Герцог, если б дело шло о простом человеке, я не колеблясь произнесла бы его имя; но это такая важная особа, что я совсем не желаю сделать вас ее врагом.

– Имя! Ради самого неба назовите мне эту особу!

– Это такой человек, которого вы бесполезно будете вызывать на дуэль. В ответ он прикажет зарезать вас.

– Неужели вы думаете устрашить меня?

– Разумеется, нет, но вы забываете, что я люблю вас.

– Герцогиня, – настаивал Бофор с возрастающею энергией, – мне надо знать имя этого человека.

– До свидания, герцог, – сказала она, высвобождая свою руку из его руки. – Если вам непременно хочется узнать это имя и если коадъютор – он тоже любит вас, потому что нуж-

дается в вас – откажется назвать вам этого человека, то обратитесь к герцогине Лонгвилль.

– К герцогине?…

– И не забудьте, что я вас жду в полночь.

Герцогиня Монбазон наградила его самой очаровательной улыбкой, и Бофор простился с ней, поцеловав ее руку с видом нежнейшей страсти, хотя далеко не разделял ее.

«На этот раз, – думал он, глядя вслед прекрасной и величественной герцогине, которую приветствовали со всех сторон самые знатные и красивые юноши, – кажется, кинжалом хотят действовать против меня – беда грозит, надо остерегаться!»

Глава 7. Начало справок

Герцог Бофор довольно узнал относительно истории в «Красной Розе» и не считал нужным говорить о том с коадъютором.

Гонди, по обыкновению, приветливо встретил Бофора, которого описывает в своих «Записках» каким-то картонным паяцем, плясавшим под его дудку, когда только ему было угодно дергать пружину.

Коадъютор, некогда простой аббат Поль Гонди, был известен открытой борьбой с кардиналом Ришелье, дело он вел так ловко, что не сложил тогда же своей головы. Благодаря этому случаю он вообразил, что обладает силой, чтобы победить Мазарини.

Но его удальство, отвага, его рассчитанная смелость были лишены последовательности, непоколебимой настойчивости, посредством которых министр Анны Австрийской в конце концов всегда обуздывал всех своих противников.

Со времени знаменитого дня Баррикад, героем которого был Гонди, он, конечно, не канул в неизвестность, однако много потерял в своем значении. Он поддерживал сношения со столичными приходскими священниками, через которых сохранял влияние на народ и власть над двадцатью или тридцатью тысячами удальцов, готовых под звон его золота вылезти из своих трущоб.

Известно, что ночью на 6 января 1649 года королева бежала в Сен-Жермен, увезя с собой и маленького короля. Двор последовал за ними, и оттуда хитрый кардинал надеялся восторжествовать над парламентом.

Молва об этом еще до рассвета разлилась по всему Парижу. Ярость и ужас достигли крайних размеров. В то время хлеб привозили каждое утро из Гонесса, и вдруг стало известно, будто принц Кондэ высказал мнение, что надо приостановить доставку хлеба в Париж.

Коадъютор решился воспользоваться народным волнением. Не покоряясь просьбам королевы присоединиться ко двору в Сен-Жермене и не тревожась мыслью, что окажется виновным в неповиновении ее величеству, он огласил свое намерение уехать из Парижа.

Тактика его удалась как нельзя лучше: едва его карета выехала из архиерейского дома, как лошади были мигом выпряжены, и уличные торговки вынудили его пересесть из кареты в наскоро сделанные носилки, которые они сами потащили с громкими криками:

– Да здравствует коадъютор! Он наш родной отец! Мы не выпустим его из Парижа!

Раз утвердив свою власть законным порядком, Гонди думал, что нет ни партий, ни принцев, ни королей, которые не считали бы за счастье вести с ним переговоры, как равные с равным.

Конечно, впереди него стоял герцог Бофор, которого двор

в насмешку прозвал Рыночным королем, но не коадъютор ли, по существу, царствовал в Париже?

Он хвастался, что может вертеть герцогом Бофором как и когда ему угодно, послать его туда, где надо будет воспламенить поохладевший восторг, или подучить его сделать какую-нибудь нелепость, предоставляя себе случай исправить ее блестящим образом.

Герцог Бофор и видел и угадывал это, но у него тоже был свой план.

Гонди вертел и советником Брусселем, когда имел надобность приводить в волнение парламент. Это тот самый Брусель, который был арестован в начале Фронды, что послужило коадъютору поводом к первому разрыву с двором.

Проповеди, куплеты, милостыни, пасквили в стихах и прозе – все способы были употреблены этим неутомимым честолюбцем, чтобы только сохранить в руках своих власть, которой он умел пользоваться и употреблять во зло. Но он совершил непростительную ошибку, заставив произнести приговор Мазарини и указав в нем причины изгнания. Эти причины так же относились к нему, как и к министру Анны Австрийской.

В продолжение трех месяцев он держал в руках пружины, приводившие в действие всю эту кукольную комедию, все двигались по его воле: принцы, вельможи, граждане, народ и бродяги. Но после этого он имел неблагоразумие призвать на помощь испанцев, впустить в королевство этих самых бес-

пощадных врагов Франции и короля со времен Карла V.

Но если парижане, в сущности, любят возмущения и суматоху, то еще скорее это надоедает им и утомляет их. Немного прошло времени, а предводители партий должны были понять по общему ропоту, разорению купцов и нищете ремесленников, что дело плохо, и потому не замедлили объявить, что готовы приступить к примирению.

Мазарини, искусный дипломат, представил все так, что первый шаг к примирению делает королева.

По заключении мира коадъютор сумел так ловко вывернуться, что вышло, как будто он приготовил возвращение короля, и народ не замедлил присоединить к восклицаниям: «Да здравствует король!» и другое приветствие: «Да здравствует коадъютор!» Торговля приняла обычный оборот, и печеный хлеб из Гонесса неукоснительно доставлялся в столицу.

Когда принцы были арестованы и заключены в Бастилию, когда друзья коадъютора получили всевозможные награды и должности, Гонди дал понять, что он один забыт. Ему полагались: во-первых, красная шапка, во-вторых, портфель министра. Но не таков был кардинал Мазарини, чтобы допустить свое смещение.

Опять война – теперь война за министерский портфель.

Вот на чем остановились события, когда начался наш рассказ.

Из всего этого видно, что коадъютор вполне принадлежал

к школе Ле Моффа, и, чтобы добыть звание министра и шапку кардинала, он готов был поживиться и с наших и с ваших, следовательно, был для всех самым опасным человеком.

Бофор разгадал его и потому приближался к нему не иначе как с предосторожностями, которые требуются при встрече с хищным зверем или ядовитой змеей, но внешне выказывал ему свое самое простодушное доверие.

У Бофора тоже хватало двуличности, но в груди его билось сердце не себялюбца и не честолюбца.

– Любезный Гонди, – сказал Бофор после обычных приветствий, – вам известно час за часом все, что происходит в вашей епархии.

– И во Франции, – добавил коадъютор, самодовольно поглаживая подбородок.

– Не можете ли вы мне сказать…

– …Какой наглец осмелился в прошлую ночь прикинуться герцогом Бофором, надев великолепный белокурый парик?

– Так это правда? Неужели до этого уже дошло?

– Ваше высочество, дерзость очевидна, и исполнитель такого подвига думал, по всей вероятности, что большой беды не будет, если прибавить еще один грешок на душу удальца, который так справедливо гордится своим происхождением от короля-волокиты.

– Гонди, – сказал герцог, вспыхнув, – вы употребляете во зло право, которое вам дает наша дружба.

– Нет, и в доказательство тому вы не узнаете имени этого наглеца.

– Так, значит, правда, что вы не хотите подвергать опасности мою шкуру, когда дело идет о моей чести.

– Глупости, любезный герцог, глупости! Предоставьте черному народу драть себе глотку. Истинно говорю, на это не стоит обращать внимания. Народом надо пользоваться для своих выгод, но никак не должно признавать его себе подобным.

– Позвольте, – сказал Бофор возмущенно, – в народе есть люди, достойные уважения, и я готов всюду и всегда воздавать им должное почтение.

– Ух! Какие громкие слова! – воскликнул Гонди, пожимая плечами. – Я вам пророчу, что придет время, когда вы откажетесь от них.

– Не верьте этому.

– Я знаю людей.

– В таком случае вы не знаете меня, любезнейший Гонди, – возразил Бофор суровым тоном, на что коадъютор не обратил никакого внимания.

– Вас? Наизусть знаю.

Точно бичом прямо в лицо ударили эти слова Бофора и дали другой поворот его мыслям. Он вдруг принял обычный беспечный вид.

– Так вы не назовете по имени моего Созия?

– Нет, зато я вам скажу что-то очень важное для вашей

чести.

– Что такое?

– Но только с условием.

– Что за условие?

– Вы вручите мне вашу шпагу и позволите мне хранить ее до завтрашнего утра.

– Гонди, опять каприз. Вы сами были некогда воином и хорошо знаете, что мы, военные, неохотно расстаемся с этими игрушками.

– Именно. Ну, что же, отдадите ли вы мне шпагу?

С этими словами коадъютор ловко вытащил у него шпагу. Герцог Бофор следил за этим действием с доверчивой улыбкой и с внутренней озабоченностью.

– Ну, Гонди, теперь вы будете говорить? Надеюсь, вы разольете свет посреди мрака, окружающего меня.

– Я буду говорить о герцогине Лонгвилль.

– Вот что!

– Вижу, что вы уже насторожились. Послушайте меня, вы не станете поджидать ее сегодня вечером, ведь если двор узнает, что госпожа, изгнанная им в Нормандию, прибудет сюда, то наверное мой дом будет окружен стражей. Вы обнажите шпагу или вооружите друзей, чтобы защитить ее.

– А вам надо, чтобы завтра я произвел маленький бунт на рыночной площади – так, что ли? Говорите разом.

– Именно. Но мне надо еще поговорить с вами о маркизе де Жарзэ.

– Какое мне дело до него?

– В эту минуту он со своими друзьями находится у Ренара, где под звуки скрипок они торжествуют победу, которую будто бы сегодня одержали над вами.

– Это они так истолковывают причину, заставившую меня пойти к честным людям, звавшим на помощь?

– Неприятное дело, герцог, но юность хвастлива. Это герцог де Бар устроил этакое празднество.

– Ага! Так у них и скрипки есть? – спросил Бофор, скрежеща зубами.

– Говорят.

– Так и мы потанцуем.

– Что это вы затеваете?

– Наказать наглость и казнить преступление.

– Преступление?

– Да, у меня есть предчувствие, что из круга де Жарзэ вылетели стрелы, поразившие мою честь.

– Жарзэ не способен.

– Он? Пожалуй, что и так, но герцог де Бар?

– Точно так же на это не способен. Де Бар – ханжа, без существенных страстей. Но если вы не на шутку хотите отправиться к Ренару, то помните одно, герцог, что у меня ваша шпага, что вы должны туда явиться как принц крови, и что ваша жизнь дорога для дела, которое вы так великодушно взялись защищать: дело общественного блага… Впрочем, всего лучше будет, если вы отправитесь в свой дворец.

– Этого не будет, пока я не встречусь лицом к лицу с этими господами.

Коадъютор очень слабо сдерживал горячность молодого принца. Распрощавшись с ним, герцог прошел по всем залам; к нему присоединились маршал Мотт, госпожа Витри, Рэ, Фонтрайль, Брилье, л'Аржантьер, Лио и другие из его друзей или офицеров его дома. Всего человек пятнадцать вельмож, так что свита, сопровождавшая его вместе с его слугами, состояла из пятидесяти человек.

Погода стояла отличная; все эти вельможи были в самом лучшем расположении духа и отправились пешком к Тюильрийскому саду, болтая о войне и о любви, рассказывая самые модные скандалы, в которых главную роль играли придворные красавицы, хотя королева в это время предалась набожности, думая подать всем пример нравственности. Они прошли через мост и уже приблизились к улице Бурдоннэ, как вдруг Бофор остановился, внимательно осмотрелся и повернул на улицу Бурдоннэ.

– А что, герцог, – спросил маршал ла-Мотт, – ведь мы идем в Тюильрийский сад.

– В таком случае его высочество ошибается дорогой, – заметили другие.

– Меня-то никак уже нельзя упрекнуть в незнании Парижа, и я могу поклясться, господа, что не ошибаюсь.

– Так мы не в Тюильри идем.

– Нам надо прежде зайти на улицу Потри.

– Что это за улица Потри? Разве там могут люди жить?

– Там, господа, живет семейство честных людей, которых я хочу навестить прежде, чем наступит ночь, – сказал Бофор.

Блистательное общество не замедлило вступить на улицу Потри, и герцог, сказав несколько слов своим друзьям и свите, подошел один к дому Мансо и постучал.

Торговка отворила дверь и тотчас узнала прекрасного принца, лицо которого внезапно осветилось лучом лампы, выходившим из двери. Хотя, по всей вероятности, герцог был виновником несчастий, поразивших ее семейство, однако добрая женщина не смогла удержаться от радостного приветствия.

– Герцог Бофор! – воскликнула она и бросилась за свечой.

Герцог вошел в комнату, просто выкрашенную белой краской, но все в ней дышало чистотой и довольством, которые составляют украшение скромного и честного хозяйства. Он сделал несколько шагов, осматриваясь по сторонам, как бы отыскивая кого-нибудь, и вдруг остановился перед торговкой, лицо которой сделалось сурово, потому что она не знала, как истолковать такое неожиданное посещение.

– Где ваши дети? Где муж ваш? – спросил герцог своим звучным, мелодическим голосом, который так много способствовал его успеху на рынках.

– Там, ваше высочество, – отвечала госпожа Мансо, указывая на следующую комнату.

– Проводите меня к ним, я хочу их видеть.

И не давая ей времени пойти вперед, он сам двинулся в указанную сторону и отворил дверь.

Печальное зрелище представилось ему: Маргарита лежала на постели, около нее стояли отец, с повязкой на голове, и ее двоюродный брат Ренэ, которого все называли женихом прекрасной дочери синдика. Оба со слезами на глазах смотрели на девушку, ожидая, когда та придет в себя от продолжительного обморока.

– О, Боже! – воскликнул Бофор, увидев бледную и неподвижную больную.

– Герцог Бофор! – сказал Ренэ, содрогнувшись и сжимая кулаки.

У Мансо вырвался из груди болезненный стон, когда он повернул голову.

– Я уже дал честное слово вашему отцу, – сказал Бофор, обращаясь к Ренэ, – вы были тому свидетелем.

– Увы! Это правда! – отвечал он, зарыдав.

Казалось, приход принца магнетически подействовал на организм молодой девушки. Маргарита открыла глаза и, узнав его, вдруг ощутила силу жить и двигаться. Она приподнялась на постели и посмотрела на герцога с выражением любопытства и ненависти.

– Дитя мое, – сказал Бофор, – я питаю искреннее уважение к вам и предлагаю вам всякого рода удовлетворение, какое вы можете желать, за оскорбление, нанесенное вам от моего имени.

– Одежда… перо, перевязь ленты, волосы… о волосы!., точно такие же! – говорила Маргарита печальным, раздирающим душу голосом.

– Дитя мое, клянусь вам…

– Но голос не тот, – сказала она, опустив голову на подушку.

– Друзья мои, – сказал герцог, обращаясь к свидетелям этой печальной сцены, – я пришел к вам затем, чтобы получить от этой бедной девушки сведения, необходимые для меня, чтобы преследовать виновников, которым я должен отомстить за себя и за вас… Прошу вас, оставьте меня одного с ней на одну минуту. Я надеюсь успокоить ее и привести в полное сознание.

– Да, да, – сказала Маргарита, опять приподнимаясь, – оставьте меня наедине с герцогом; он один может вывести нас из этой страшной неизвестности.

Все повиновались и вышли в первую комнату, оставив наедине тех, кого, по общему мнению, называли преступником и жертвою.

С глубокой и сознательной настойчивостью Маргарита смотрела на герцога Бофора, который сел около ее постели. Потом робко протянула она свою руку и знаками попросила его руку. С простодушием и искренностью герцог протянул ей руку, которая так часто пожимала грубые ладони честных рабочих на парижских рынках.

– Ваше высочество, – сказала Маргарита, – именем неба,

именем нашего Спасителя, именем всего, что дорого вам в мире, поклянитесь мне, что вы не тот… не тот, который…

Ее голос прерывался от волнения и слез.

– Зачем этот вопрос? – сказал Бофор, не отнимая руки и с тревожным любопытством рассматривая девушку.

– Я вам это скажу, когда вы, держа руку на моей руке, произнесете клятву.

– Как вас зовут, дитя мое?

– Как? Вы даже не знаете моего имени? – спросила Маргарита с удивлением, к которому примешивалось чувство горечи.

– Я знаю вашего отца, честнейшего человека на рынках, знаю вашу мать; но вас, дитя мое, я в первый раз в жизни вижу.

– Поклянитесь! – воскликнула она с усилием, как бы сомневаясь в истинности его слов.

– Клянусь.

– Хорошо! – сказала она. Опустив голову на подушки и закрыв лицо обеими руками, Маргарита залилась слезами.

– Теперь, дитя мое, доверяете ли вы мне?

– Да. Я хотела, чтобы вы поклялись, потому только, что я уверена, если бы ваша совесть запрещала вам поклясться и вы требовали бы моего молчания, то я молчала бы.

– Ничего не понимаю.

– Не вы, герцог, навлекли на бедную девушку позор и презрение; но, как говорит мой отец, это сделали ваши враги,

чтобы уронить вас в глазах народа. Если бы не так, я сумела бы пожертвовать собой и подобно вам могла бы сказать: это гнусная клевета.

– Но зачем же?

– Не расспрашивайте меня. Отныне в общественном мнении я несчастная погибшая девушка; отныне ни один честный человек не захочет дать мне свое имя, на что я имела прежде полное право; вот и все… Оставьте меня, уходите, живите в свете, гордитесь собой, гордитесь взятой на себя обязанностью, своим призванием, которое я поняла, и думайте иногда, что там, в толпе народа, есть душа, которая сочувствует вашим успехам, следует за вами, видит, куда вы идете, и рукоплещет вашему торжеству.

– Так ты разгадала меня, дитя? – воскликнул Бофор и протянул ей руку.

– Да.

– Но каким образом истина могла проникнуть в твою душу?

– Однажды вы ехали через рыночную площадь. Вы были верхом, окруженный блистательной свитой, вы были прекрасны, как король. Мать моя всегда толкует о вас с восторгом, а тут она точно с ума сошла от радости, так же как и все окружающие. Вдруг она сказала мне, указывая на вас: «Смотри-ка, Маргарита, вот какого мужа я желала бы для тебя».

Бофор улыбнулся.

– Бедная моя матушка! Она такая восторженная и в то время считала, что мой кузен Ренэ недостоин быть мужем ее дочери.

– Вы прекрасны, вы необыкновенная красавица, – сказал Бофор, рассматривая ее.

– А теперь, – продолжила она, выслушав его, – теперь Ренэ презирает меня.

– Нет, я этому не верю и не хочу верить. Увидев меня, он не мог сдержать своего гнева, и я угадал, что он вас любит.

– Любит он меня или нет, какое мне до этого дело! – воскликнула Маргарита в каком-то исступлении.

Но тотчас же успокоившись, она прикрыла руки и грудь одеялом, незаметно соскользнувшим с нее.

– Я забыла! – сказала она вдруг.

– Что такое?

– Когда меня схватили эти злодеи, в это время я несла к вам записку герцогини Лонгвилль.

– Записку!

– Этой записки я не нахожу у себя, вероятно, она попала в руки того злодея!..

– Вот это, может быть, разъяснит тайну. Знаете ли вы, что было в записке?

– Нет.

– Я сам это узнаю. Не расскажете ли вы мне, что там происходило?

– Меня отнесли в гостиницу «Красная Роза». Была мину-

та, я надеялась, что меня избавит всадник, который дрался как лев, защищая меня, когда я позвала его на помощь.

– Мне говорили. Я похлопочу о нем.

– Его зовут Жан д'Эр.

– Он из Лотарингии – отыскать несложно. Потом?

– Я оставалась одна, привязанная к креслу. Слабый свет освещал комнату. Вдруг вошел человек. Он был одет точно как вы; волосы у него такие же белокурые и в локонах, как и ваши. Таких я никогда не видела и потому подумала, что…

– Но вы могли видеть его лицо?

– Он не дал мне времени рассмотреть его; вошел, закрывшись плащом, и погасил свечи.

– Злодей!

– Не могу описать, какое чувство негодования, стыда, ярости я испытывала. Я плакала, умоляла, кричала – ничто не смогло вызвать жалость этого злодея! В это время развязался платок, привязывавший меня к креслу, и я стала защищаться. Я била его по лицу – когда рассвело, я увидела кровь на своих ногтях. Только тогда я вспомнила, что вцепилась в его шею ногтями.

Маргарита с трудом приподнялась, из последнего чувства сомнения взглянула на шею Бофора; но его шея была бела и чиста, как у лучшей античной статуи, и не имела ни малейшего признака вчерашней борьбы.

– Я отомщу за вас, – пообещал герцог, вставая.

– Да, отомстите за меня и главное – простите меня.

– Простить вас? Но за что же?

– За то, что я осмелилась…

– Вы ангел Божий, и я буду любить вас, как родную сестру.

– О! Благодарю!

– Ну, а теперь не скажете ли вы мне ваше имя?

– Маргарита, – отвечала она слабым голосом и не спуская с него глаз.

– Прощайте, Маргарита или, вернее, до свидания, Маргарита. Я еще приду к вам, – сказал он своим звучным и мягким голосом.

Герцог вышел, из другой комнаты послал ей еще привет рукой.

Когда он удалился, Маргарита вздохнула свободнее, но вдруг всем телом задрожала: из-за полога над ее кроватью вышел человек, и его бледное лицо, сжатые зубы, мрачная решимость, сверкавшая в его глазах, перепугали до смерти молодую девушку.

– Ренэ! – воскликнула она.

– Да, Ренэ… Ренэ все слышал, – сказал он глухо.

– Ах! – воскликнула она, закрыв лицо руками.

– Этот человек чудовище лжи и коварства! У него есть тайна – я открою ее, и тогда горе ему, горе!

– Ренэ! Ты ошибаешься!

– Нет, справедлив он или нет, все равно – мне нужна кровь его, вся кровь его!

– О Боже! Ты пугаешь меня! Ты ненавидишь герцога?

– Да, ненавижу! Во мне есть силы и решимость, чтобы погубить его!

– Но за что же, Боже мой?

– За что?… – сказал Ренэ со злобным смехом. – И ты спрашиваешь за что?… За то, Маргарита, что ты любишь его…

Глава 8. Коготки Маргариты

У Ренара собралось веселое и блистательное общество. Тут же находились и вельможи, отправившиеся от коадъютора в Тюильрийский сад; к ним и другие присоединились, так что общество было многочисленное.

Хозяин модного ресторана предоставил знатному обществу лучшую залу, дверь которой была отворена в другую комнату, где находились музыканты; они настраивали уже свои инструменты, готовясь усладить праздник своими гармоническими аккордами.

В середине комнаты стоял великолепно убранный стол с изысканными яствами, самыми дорогими винами; все это освещалось множеством люстр и канделябров.

– Господа! – воскликнул де Жарзэ. – Вы удостоили чести избрать меня президентом настоящего собрания. По этому случаю требую вашего внимания.

– Ого! Будет речь?

– Предложение.

– Маркиз, – возразил герцог Кандаль, – ты прибегаешь к формам господ фрондеров из парламента, а это уже угроза нашему терпению.

– Говорят же тебе, это не речь, а простое предложение.

– Любезный Жарзэ, – вмешался герцог де Бар, – вы человек, известный ханжеством и вместе удальством, следова-

тельно, все, что вы предложите, будет принято.

– Поостерегитесь, господа, именно по случаю моего удальства, быть может, некоторые из вас попятятся назад.

– Говори же, маркиз, говори! – закричала молодежь хором.

– Собираясь сюда, мы думали только о том, как отпраздновать бегство Бофора, и поэтому забыли придать нашему празднику необходимую прелесть. В такой поздний час ни одна придворная дама не решится прокрасться к Ренару, хотя он самый скромный и благоразумный хозяин во всем королевстве. Но так как музыканты у нас есть, то можно заодно пригласить милых созданий Турнельского квартала.

– Жарзэ, умоляю, откажись от таких намерений, – сказал де Бар.

– Почему бы это?

– Королева…

– Бросьте читать мораль, герцог – кому не известны ваши повадки? Вот что рассказывают о вас: втихомолку, где-нибудь из-за угла вы не прочь сделать то, что вслух осуждаете.

– Как, я? Но мои принципы, мое поведение, мое благоговение к моей государыне…

Единодушный хохот прервал слова, произнесенные по всем правилам закоренелого лицемерия…

– В таком случае, – сказал Кандаль, – если Жарзэ, царь празднества, облеченный властью, не прикажет Ренару пригласить этих дам, то мы вынуждены будем заниматься поли-

тикой.

– Этак, пожалуй, со скуки умрешь.

– Господа, – возразил Кандаль, – политика, как мы ее понимаем, мы, которые от жизни берем только то, что есть в ней прекрасное и забавное – такая политика, на мой взгляд, весьма увеселительна.

– Слушайте, герцог затянул свою любимую песню: все для дам и через дам.

– Это только благовоспитанное волокитство, и я охотно приму в нем участие, – возразил де Бар. – Но так мы дойдем только до того, что нас надуют… Поверьте мне, кардинал Мазарини, которому я сочувствую, не ошибается, направляя все свои силы против коадъютора, потому что именно он опаснейший враг двора. Жаль, однако, что Мазарини серьезно не думает о Бофоре. Коадъютор хочет быть только первым министром, он мало-помалу выдаст всех своих союзников. Бофор посолиднее в своих основаниях; он создан быть любимцем народа. Толпа обожает его, и Бог знает куда стремится его честолюбие.

– У него и честолюбия-то нет.

– Он так хорош, так храбр, так изящно вежлив, так любит говорить речи и чтобы ему аплодировали… Ах! Любезный де Бар, не испортите пружины прекрасного паяца, которым вертит де Рец.

– Я знаю людей, – настаивал де Бар.

– Нет, герцог, вы не знаете людей, потому что восстаете

против приглашения милых созданий. Только отдавая должную честь прелестным дамам, можно достичь верного познания людей, и в особенности политиков.

– Господа! – воскликнул Кандаль, выходивший на минуту из залы, – я приказал Ренару пригласить к нам пятнадцать самых хорошеньких парижских грешниц.

– Виват Кандаль! – закричала молодежь.

– Чего же лучше!

– И долой политику! Она сокращает жизнь, предоставим ее бородачам и старухам.

– Будем врагами фрондеров, будем убивать их, как только попадутся они нам под шпагу. Но не станем разбирать ни причин, ни поводов междоусобицы – да здравствует веселье!

– Господа! – воскликнул Маникан, придвинув к себе блюдо, – рекомендую вам соус под этой златовидной птичкой. Это новое изобретение, честь которого принадлежит Ренару. Вчера мне говорил об этом Мазарини, знаток в таких делах.

– Посмотрим, что за соус под златовидной птичкой! – отвечали все в один голос.

– За здоровье королевы! – сказал Кандаль, поднимая бокал.

– За здоровье кардинала! – подхватил Жарзэ.

Все с увлечением отвечали на эти тосты, вполне выражавшие убеждения присутствующих.

– Да наливайте же полнее, олухи! – закричал де Бар, обращаясь к слугам.

Бокалы не были еще опорожнены, как с испуганным лицом вошел Ренар. Он не осмеливался объявить причину своего вторжения в неприкосновенное убежище сановных гостей.

– Что случилось? – спросил Жарзэ.

– Господа…

– Да говорите же скорее!

– Сиятельные господа, пришел…

Он не успел кончить, – сам Бофор вошел в залу.

Герцог сделал три шага и вместо привета поднес руку к шляпе. Сопровождавшие его вельможи остановились у порога. Он был бледен и спокоен, но по лицу было видно, какая буря бушевала в душе внука Генриха Четвертого.

Герцоги Кандаль и Бар встали, чтобы отвечать на поклон принца, остальные оставались на местах.

Свита Бофора разошлась по зале и окружила стол. Гости переглядывались с некоторым беспокойством, боясь, не попали ли они в западню.

Бофор сделал еще несколько шагов.

– Господа, – сказал он звучным голосом, – вы очень громко провозглашаете свои тосты! Предупреждаю, я буду ужинать в соседней комнате.

– В таком случае мы произнесем последний тост и попросим ваше высочество отвечать нам, после чего мы замолчим.

– Вы пили за здоровье Мазарини. Я слышал это, за чье здоровье теперь вы хотите пить?

– Все за то же, за здоровье кардинала! – воскликнуло несколько голосов.

– Господа, как вижу, у вас и музыканты есть.

– Точно так, ваше высочество.

– Тем лучше, потому что я хочу заставить вас потанцевать.

С этими словами Бофор протянул руку к столу и дернул скатерть с такой силой, что все, что было на столе, полетело со страшным грохотом. В первую минуту гости думали только о том, как бы предохранить себя от брызг соусов и разных кушаний, пролившихся на них, потом все вскочили в бешенстве.

– За шпаги! – закричали все разом.

Но вельможи, сопровождавшие Бофора, встали по углам, где сложены были шпаги, и, казалось, решили не допускать до них, так что оскорбленным оставалось только проклинать невозможность мщения.

Однако герцогу Кандалю удалось добраться до своего пажа и взять у него шпагу. С оружием в руках он бросился в середину свалки.

– Принц! – закричал он. – Обнажите вашу шпагу! Я требую от вас удовлетворения!

– Герцог Кандаль, – возразил Бофор с достоинством, – не от вас, а от маркиза де Жарзэ я требую удовлетворения. Где он?

– Здесь, ваше высочество! – воскликнул маркиз, удержи-

ваемый со всех сторон друзьями: те видели, что он и Кандаль горячились больше всех.

– Мне до этого дела нет, – закричал Кандаль. – Я считаю, что вы меня оскорбили, и хочу, – слышите ли! – хочу, чтобы вы дали мне удовлетворение!

– Любезный кузен, я не стану с вами драться.

– Кузен? Да, мы с вами родня: я тоже потомок Генриха Четвертого, и вы не имеете права отказаться от дуэли со мною.

– Повторяю вам, герцог, что я требую объяснения от маркиза де Жарзэ – он осмелился сказать, что я бежал от него. Вы сами видите, я пришел сюда без шпаги и намереваюсь выбросить его в окно.

При этих словах произошла схватка между молодыми вельможами, боролись руками, потому что все были без оружия. Бесстрастно стоял Бофор среди этой суматохи и громко вызывал маркиза Жарзэ.

Но Жарзэ не показывался. С первой минуты друзья его поняли, как было бы безрассудно и опасно вступать ему в бой с королевским внуком, и насильно увели его из залы.

Вслед за тем все приверженцы Мазарини вышли из залы и, собравшись в саду ресторана, держали совет, не следует ли вернуться и переколотить всех этих дерзких фрондеров.

Герцог де Бар никак не мог успокоить общее волнение и потому решил уже бежать за отрядом королевской стражи, как вдруг появился герцог Бофор. Один с величавым досто-

инством спускался он с крыльца, ведущего из залы в сад. Увидев его, все с громкими криками и обнаженными шпагами бросились к крыльцу.

– Господа, – сказал принц, – так как маркиз де Жарзэ исчез, а я, собственно говоря, имел дело до него, а не до вас, то вы позволите мне спокойно продолжать мой путь.

– Нет! Нет! Мы будем драться!

– Господа, предупреждаю вас, что все мои друзья вышли из ворот, а я один между вами.

– Однако нельзя же это так оставить! – воскликнул Кандаль.

– Напротив, этим и должно кончиться. Я пришел сюда не затем только, чтобы требовать объяснения по поводу пустых слов. Минуту назад я доказал вам, что не страх заставил меня вернуться в Тюильри.

– Вы ничего не доказали, так как отказались обнажить шпагу.

– Но вы видите, герцог Кандаль, что я принес с собою не шпагу.

И с этими словами Бофор с самой естественной грациозностью показал ему легкую трость, которую держал в руках.

– Еще этого недоставало! – воскликнули мазаринисты вне себя от ярости и негодования.

– Хотят с нами обращаться как с лакеями! – сказал де Бар спокойно.

Его слова произвели действие, но одним движением руки

Бофор погасил волнение.

– Господа, между вами есть человек, который ведет себя как лакей, пока я не узнаю имя этого человека, я отказываюсь обнажить свою шпагу.

– Объяснитесь, принц, – закричал Кандаль, будучи не в силах сдерживать свое бешенство.

– Сейчас, герцог. И если вы хотите, то я с вас начну расследование, предпринятое мной и которое – слышите ли, господа! – я буду продолжать до самой смерти.

Бофор произнес эти слова с такою энергией, что они произвели на всех впечатление. Кандаль последовал за ним в залу гостиницы.

Войдя в ярко освещенную залу, оба герцога встали в проеме окна, тоже ярко освещенного канделябрами.

– Я к вашим услугам, что угодно вашей светлости?

– Кузен, – сказал в ответ Бофор вполголоса, – дело идет о моей чести, а так как вы человек честный, то я знаю, вы не колеблясь исполните то, о чем я вас попрошу.

– Говорите, принц.

– Вы принадлежите к числу людей, которые привыкли и которым привыкли смотреть прямо в глаза. Не вас я подозреваю в вероломстве, жертвой которого я стал. Но ваше присутствие в обществе людей, не имеющих права на мое уважение, представило мне несчастье и вас оскорбить.

– Тщетно я стараюсь понять ваши слова.

– И не поймете. Но посмотрим.

С этими словами Бофор взял за руку Кандаля и повернул его к окну.

– Смотрите туда, Кандаль. Туда, вдаль. Скажите мне, видите ли вы одинокий огонек?

– Вижу.

– Смотрите лучше. Если он исчезнет прежде, чем вы сосчитаете до двенадцати, скажите мне о том.

Пока Кандаль серьезно занимался заданным делом, по виду пустячным, но по тому тревожному времени, может быть, и очень важным, Бофор, оставаясь позади него, с жадностью впился глазами в часть шеи, открывавшейся из-под длинных локонов его кузена.

Герцог выискивал на его шее следы ногтей.

– Ничего нет! – воскликнул он.

– Нет, ваше высочество, – даже не пошевелившись, подтвердил Кандаль.

– Это не вы.

– Позвольте сказать, что это очень заинтересовало меня.

– Нет, это не вы, повторяю вам, и я был бы очень удивлен, если бы это было иначе.

– За это доброе слово позвольте мне заплатить тем же.

– Говорите, – сказал Бофор, озабоченно бросая гневные взоры на вельмож, не спускавших глаз с этой сцены: видевшие только пантомиму, они не понимали ее значения.

– Огонь, за которым я наблюдал, освещает, если не ошибаюсь, кабинет коадъютора. Там бодрствует двуличный че-

ловек, роковым образом действующий на всякое предприятие. Остерегайтесь его, принц, он обманывает вас.

– Гонди?…

– Да, Гонди обманывает вас.

– А зачем ему обманывать меня? – спросил Бофор с привычной ему беззаботностью.

– Не знаю; он ненавидит всех принцев, ненавидит герцогиню Лонгвилль. Ни королева, ни сам Мазарини не могут вполне разгадать его умыслов.

– А вы, кузен, разгадали их?

– Нет, но я не верю ему.

– Вы благородный человек, и я желал бы всегда иметь дело с такими людьми, как вы.

– Когда наступит мир, я буду считать за счастье быть в числе преданных вам слуг.

– Но мир наступил.

– Когда принцы в тюрьме? Это только перемирие.

Кандаль с достоинством откланялся и удалился к своим товарищам, которые в это время перешептывались, не зная, что и думать.

– Герцог де Бар, не угодно ли вам подойти ко мне? – спросил Бофор.

– Да что ж это такое, ваше высочество? Общая исповедь, что ли? – спросил де Бар, заливаясь притворно-добродушным смехом.

– Я не шучу, герцог, и если бы вы знали, о чем идет речь,

вы сами помогли бы мне открыть истину.

– Ваше высочество, вы пользуетесь доверием у герцога Кандаля, но меня уж увольте: я не намерен лезть головой в волчью пасть.

– Это что значит! – закричал Бофор.

– А то, что я пойду, но с условием.

– Что за условие?

– Трое из этих господ должны сопровождать меня и быть свидетелями нашего разговора.

– Я совсем не против этого, – сказал Бофор после некоторого размышления.

Осторожный герцог де Бар вошел в залу, его сопровождали Кандаль, Маникан и Бутвиль.

Подозрительность закадычного друга Мазарини внушила и Бофору некоторую осторожность; он отошел от окна и встал под люстрою.

Вельможные господа холодно поклонились и встали перед принцем, держа шляпы в руках. При первом взгляде на де Бара Бофор заметил капли пота, выступившие на его лбу.

– Вам жарко, герцог, – сказал Бофор, подходя к нему с улыбкой.

– Жарко, ваше высочество.

– Вероятно, оттого, что вас беспокоит толстый шарф, которым вы закутали себе шею, – продолжал Бофор, наклоняясь к нему и пристально присматриваясь.

– Нимало.

– А я бьюсь об заклад, что шарф вас беспокоит.

– Уверяю вас, что нет.

– Снимите его, – сказал Бофор резко и сильно дернул за шарф.

Ни жив ни мертв повернулся де Бар к своим друзьям, но Бофор, потеряв всякое терпение, сдернул с него шарф и увидел на его шее глубокие царапины.

– Так это вы! – закричал он с бешенством. – Иначе и не могло быть.

Ошеломленный, испуганный де Бар почти упал на руки Кандаля. Бофор сделал шаг назад и поднял трость.

– Подлец! – закричал он. – Это ты посягнул на чужую честь!

– Герцог! – воскликнули вельможи.

– Уведите его, господа, или я не отвечаю за себя!

– Но что ж это значит? – спросил де Бар, задыхаясь.

– А то, что вы, под моим именем, совершили бесчестный поступок вчерашней ночью.

– Я!

– На вашей шее и теперь видны следы, так защищалась ваша жертва. Вы не осмелитесь опровергать это.

– Ложь! Я не понимаю, что вы хотите сказать.

– Ты будешь драться со мною, презренный! Я знаю, что ты низкий трус и не решишься на честный поединок, потому я вынуждаю тебя. Вот тебе!

Бофор опять поднял трость и ударил де Бара по спине.

Как дикий зверь взревел де Бар при новом оскорблении, но вместо того, чтобы обнажить шпагу, как сделали это его спутники, он повернулся к ним спиной и проворно покинул комнату.

Дойдя до двери, он на минуту повернулся лицом к врагу и, погрозив ему кулаком, вскричал:

– Берегись!

Он исчез, скрежеща зубами. Никто не попытался его удержать.

– Господа, – сказал Бофор, успокаиваясь, – вы считаете себя оскорбленными, видя оскорбление, нанесенное мной этому подлецу, – успокойтесь, я представлю трех вельмож, достойных помериться с вами. Прощайте, до завтра!

Глава 9. Тайная любовь

«Рукой этого подлеца нанесутся удары кинжалом, предсказанные герцогиней!» – размышлял Бофор, покидая гостиницу Ренара.

Между тем он был один, без шпаги и даже не подумал, что в эту минуту подкупленные убийцы могли поджидать его за углом, а многочисленные воры и мошенники парижских улиц могли соблазниться богатством его костюма.

Он вышел на набережную Сены и долго шагал вдоль сада Тюильри.

Дойдя до высоких зданий, воздвигнутых Катериной Медичи, Бофор очутился у так называемого озера, где находился не только плот, на котором день и ночь переправлялись лошади, пешеходы и экипажи, но были причалены лодки.

Он кликнул кого-нибудь из перевозчиков. В ту же минуту поднялся человек, дремавший на дне лодки, где постелью служили ему разные лохмотья.

Перевозчик взял весло и подогнал свою лодку к большому камню, где стоял Бофор.

– К Нельской башне, – приказал герцог.

Лодочник искусно работал веслами и вскоре высадил его на указанное место.

Следуя по берегу реки, под тенью древней башни, Бофор вскоре дошел до небольшой хижины, прилепившейся к

Неверскому замку. Дверь отворилась, когда он три раза постучал.

– Угодно переменить одежду? – спросила старуха, державшая в руках лампу.

– Хорошо, – отвечал он.

Старуха поставила лампу на стол и вышла. Оставшись один в бедно убранной комнате, Бофор подошел к большому сундуку, стоявшему в углу, поднял крышку и достал оттуда широкий черный плащ, поношенную шляпу, длинную и тяжелую шпагу и, через несколько минут переодевшись, вышел из хижины – в другую дверь.

Старуха провела его через сад Неверского замка и отворила калитку, выходившую в глухой переулок, примыкавший к улице Дофина.

Тут герцог уже один стал пробираться по лабиринту улиц и переулков и вскоре вышел на улицу Вожирар, которая с полуденной стороны почти во всю длину была огорожена стеной.

Недалеко от улицы Феру Бофор остановился у калитки, сделанной в стене, и, вынув ключ из кармана, тихо открыл замок. Он вступил в огромный сад со столетними деревьями. Но не пошел по аллеям, а стал пробираться в чаще, осторожно раздвигая ветви и тихо ступая по траве. Потом он остановился и минут пять прислушивался и озирался по всем сторонам, боясь, не увидит ли его кто-нибудь. Наконец он приблизился к флигелю большого здания.

В нижнем этаже отворилось окно, Бофор подошел к нему.

Из темной комнаты высунулась маленькая рука. Бофор поцеловал руку и, опершись на карниз, влез в окно.

– Вы уверены, что никто вас не видел? – спросила дрожащим голосом женщина у окна.

– Уверен.

– Вам известно, при первом подозрении мы никогда уже не увидимся.

– Я пришел один, без свиты, переодетый. Клянусь тебе, Луиза, никто не может проникнуть в тайну нашего блаженства.

– Благодарю за уважение к этой тайне.

– Дайте же мне сказать вам, как я вас люблю, – сказал Бофор, становясь на колени и взяв руку дамы, – дайте мне найти счастье и успокоение в отрадной мысли, что в уголке этого бурного, ненавистного Парижа, переполненного интригами и враждебным честолюбием, существует женщина, сердце которой целиком принадлежит мне, вознаграждая меня бесценными радостями за тяжелые минуты, которые я провожу вдали от нее, поглощаемый убийственными замыслами или безумными выходками.

– Слушайте, друг мой: и я вас также люблю, и я тоже счастлива, что нахожу в вас любовь, которая наполняет сердце. Когда вы стоите предо мной на коленях, держите мою руку в своей руке, я забываю тяжелые почести, преследующие меня, лживость которых так мне видна. А между тем, герцог,

сказать ли? Бывают минуты, когда я не могу удержаться от ревности.

– От ревности! Вы?

– Да, ревность страшно мучает меня. Разве я не вижу – и слишком часто – как вы, в глазах целого двора, рассыпаетесь в любезностях перед самыми красивыми кокетками?

– Но какое вам до этого дело, если я вас люблю, если вы верите моей любви?

– Особенно мучит меня герцогиня Монбазон! И не стыдно ли этой женщине выставлять напоказ свою страсть к вам? Как вы ни клянитесь и ни разуверяйте меня, а я мучаюсь.

– Луиза, выслушайте же меня…

– Погодите. На днях вы поцеловали ее руку и при этом долго-долго прижимали к своим губам. Для меня эта минута показалась веком, мне показалось, что вы забыли весь мир и в этом поцелуе вкушали все радости, все блаженство любви.

– Не говорите этого, кумир моей жизни! Вы хорошо знаете, что только вы можете вселять в меня такое чувство упоения! Луиза, дайте мне руку и…

Она гневно оттолкнула его, тяжелые вздохи вырывались из ее груди.

– Ну, а если вы любите ее! – возразила она, – если для меня вы расточаете ложь и обман, если вы к этой женщине питаете истинную любовь?

– Как это можно, Луиза? Ты знаешь, что это только маска.

– Маска? Увы!

– Ведь ты же сама приказала мне так действовать! Не ты ли мне говорила, что я должен выказывать притворную страсть к другой, чтобы скрыть истинную любовь к тебе и таким образом оградить тебя от злобы и коварства людей?

– Правда, правда! Я с ума схожу!.. О! Мой возлюбленный Франсоа!

Бофор покрывал поцелуями руку, которую она уже не отнимала, другою же рукой она гладила с упоением белокурые волосы принца.

– Ах! – сказала она, – он мой, он принадлежит мне, этот герцог, этот принц, внук величайшего короля в мире, самый благородный, самый храбрый и лучший, прекраснейший человек из смертных.

– О! Моя Луиза!..

Бофор поднял голову, и губы их встретились, но Луиза тихо оттолкнула его и, казалось, припоминала что-то важное.

– Милый принц, сегодня я дрожала за вас. Как я боялась! Я знаю, сколько у вас завистников, я знаю, что некоторые царедворцы поклялись погубить вас из зависти к вашим успехам.

– Я не боюсь их, моя дорогая, и даже, признаюсь вам, рассчитываю на вас, чтобы сделать некоторых из них моими друзьями. В особенности один из них непременно будет другом моим, если только вы захотите.

– Кто это?

– Маркиз де Жарзэ.

– Да, я и сама так думаю, но герцог де Бар! Вот кого я больше всех боюсь!

– И вы правы, потому что это низкий и мстительный человек, но я сумею держать его в руках.

– Умоляю вас, Бофор, будьте осторожнее.

– Вы дрожите, Луиза?

– Мне страшно.

– Вы, такая твердая и мужественная, вы, которую я видал спокойной и мужественною посреди грозных опасностей, вы боитесь одного человека.

– Я презираю преграды, когда несусь на бешеном коне в лесах и над пропастями. Но совсем иное дело тревожиться, опасаться за жизнь того, кого любишь.

– Ах, Луиза, зачем вы так говорите?

– Потому что я люблю вас, потому что ставлю ваше сердце рядом с моим.

– Вы отнимаете у меня силы и мужество.

– Я! Я отнимаю у вас силы?

– Да, ваш голос, ваше сердце и вся сила души должны быть нераздельны со мной, для того, чтобы укреплять меня на моем тернистом пути.

– Но отчего бы не позволить совершаться событиям, как судьбе угодно? Кардинал будет изгнан, Гонди будет первым министром, а вы – генерал-адмиралом.

– Ах! Луиза, я стремлюсь к высшей цели, и только вами и для вас мои мечты возвышаются, мое честолюбие не знает

пределов.

– Не знает пределов? Неужели вы не довольствуетесь быть любимым, обожаемым?

– Послушайте, Луиза, если б я одиноко совершал свой путь, приготовленный мне судьбой и случайным рождением, то я удовлетворился бы своим жребием, увеличивая собою ряды беспечных и легкомысленных царедворцев, но любовь к вам внушила мне честолюбие, которое напугало бы меня самого, если б душа моя не была преисполнена вами.

– О! Говорите, любимый принц, говорите! И меня иногда терзают такие же мечты!

Бофор задумался. Казалось, тревожные мысли волновали его душу: он чувствовал, что молчание невозможно, а слова как-то не сходили с языка.

– Разве вы не верите мне? – спросила женщина с упреком и любовью.

– Ах! Луиза, Луиза, если бы вы знали, сколько я выстрадал! Выслушайте.

Глава 10. Сети

При этих словах Бофора на лице женщины отразилось нежное сочувствие.

– Как! И вы страдаете? Вы, мой любимый Франсоа? – спросила она, с нежностью взяв его за обе руки.

– Не стану вам говорить о моем заключении – о трех годах, проведенных в Бастилии. Это не беда, даже напротив: эти три года были самыми полезными в моей жизни; они открыли мне глаза, дали направление моим мыслям, научили меня отлично составлять таинственные заговоры.

– Вы составляете заговоры? – спросила женщина, рассмеявшись и как бы не веря словам, опровергаемым наружным легкомыслием Бофора.

– Не смеяться вам следует, Луиза, а скорее испугаться: в моих заговорах один заговорщик, один поверенный, один исполнитель, который доведет все до цели.

– А что это за человек, позвольте узнать.

– Я.

– Ах! Франсоа, по тому только, как вы произнесли это слово, видно уже, что в ваших жилах течет королевская кровь. Сколько красоты и торжественности в вашей наружности, когда вы произнесли это слово!

– Луиза! Это вы дали жизнь моим стремлениям, это вы указали мне цель!

– Милый мой!

– Луиза, я сказал себе, что вы должны быть первою, что ни одна женщина в мире не должна идти впереди вас, что вы должны предписывать законы целому народу.

– А вы об этом мечтали?

– Не мечтал, а хочу этого!

– О! Небо! – воскликнула она, вскакивая с места.

– Что с вами? – спросил Бофор и, схватив ее за руку, почувствовал, как она дрожит.

– Кто-то идет сюда.

– Я не слышу, – сказал принц, взглянув по направлению к смежным комнатам.

– Не там, а в саду.

Она оттолкнула герцога и сама бросилась к окну.

– Ах! Идут! – сказала она и с этими словами бросилась за дверь, увлекая за собой и Бофора.

Послышались шаги двух человек, которые, разговаривая, подходили к окну.

– Тише! – сказала Луиза, отталкивая принца, который, не обращая внимания на грозящую опасность, обрадовался случаю покрывать поцелуями шею и плечи своей красавицы.

Гуляющие остановились под окном, и один из них, привстав на цыпочки, заглянул в окно, стараясь разглядеть, что там.

– И кто это оставил окно отворенным? – сказал он с досадой.

Они прошли мимо; женщина вышла из-за двери и бросилась к окну.

– Это мой отец! – воскликнула она со страхом.

– С кем это он гуляет? – спросил Бофор, выглядывая в окно.

– Не знаю, но судя по походке и росту… мне кажется, я его узнаю.

– Это коадъютор, – сказал Бофор.

– Это правда. Зачем бы он явился? – спросила она задумчиво.

– Два часа назад я оставил его в замке. Неужели он подозревает?… Не может быть.

– Надо нам расстаться, друг мой.

– Расстаться? Так скоро, Луиза?

– Непременно надо. Это необыкновенный случай, что мой отец прогуливается в саду так поздно, да и еще в обществе коадъютора. Хоть они и должны думать, что я сплю, однако очень может случиться, что они потребуют моего присутствия. Уходите же, но осторожнее, чтоб никто не видал вас.

Герцог высунулся из окна, присматриваясь, куда направились гуляющие, и увидел, что они повернули за угол. Заботясь о доброй славе любимой женщины, он предпочел поспешно убраться, не подвергая ее опасности.

Крепко прижав к груди Луизу, он тотчас же выпрыгнул из окна с замечательною ловкостью, которая так свойственна влюбленным и – ворам. Когда он стоял уже под окном, Луиза

еще раз протянула из окна руку, которую он страстно прижал к своим губам.

– Луиза, – сказал он тихо и с глубоким выражением страсти, – Луиза, сохраните ко мне любовь, и я положу мир к ногам вашим.

– Иди, Франсоа, иди: я люблю тебя, – сказала она взволнованно.

Бофор бросил на нее последний выразительный взгляд любви и устремился в самую чащу, где он притаился, прислушиваясь к шагам гуляющих. Когда уверился, что опасность миновала, он пробрался по знакомой дороге к калитке.

Но в ту минуту, когда он выходил на открытое место, где его можно было увидеть издалека, он вдруг услышал шаги гуляющих. Бофор, спрятавшись между густыми лавровыми деревьями, оставался неподвижен.

Гуляющие не замедлили подойти к тому же месту. Бофор напрягал слух, чтобы хоть что-нибудь поймать из их разговора, но именно в эту минуту они проходили молча. Однако, пройдя несколько шагов, коадъютор сказал:

– Умри кардинал, все было бы спасено.

– Я думаю, напротив, все бы погибло, потому что тогда королева попадет в руки принца Кондэ.

– Или принца… – возразил коадъютор с живостью.

– Невозможно! – резко прервал его собеседник.

Бофор не мог дальше слушать и на цыпочках пробежал через аллею, и вскоре был у калитки, которую отворил и вы-

шел на улицу Вожирар.

Зорко осмотрел он все пространство, чтобы убедиться, не следует ли кто за ним. Тишина и безмолвие царили вокруг; Бофор поспешил уйти, уверенный в своей безопасности.

Он ошибался: два человека вдруг вышли из темного углубления и на некотором расстоянии следили за ним.

– Завтра утром я хочу знать, кто это. Следуй за ним, – сказал один из них другому.

Тот бросился было вслед за Бофором, но тотчас же вернулся на зов пославшего его.

– Если это он, – кажется, я узнал его – так ты знаешь…

– Что такое?

– Не зови помощников, дело тебе давно известное: нож в шею, Сена близко – тридцать тысяч ливров твои.

Посланный скоро скрылся вслед за Бофором в темных улицах, ведущих к реке. Читатель, вероятно, догадался, что это был Ле Мофф. Он тихо свистнул, когда увидел, что Бофор поворачивает на улицу. На его свист выскочило человек двенадцать, они точно из-под земли выросли, были вооружены с ног до головы.

– В погоню! И живее! – скомандовал Ле Мофф и тут же бросился со своей шайкой вперед.

Услышав шум, Бофор оглянулся, никак не подозревая, что такая толпа гонится за ним. Было слишком поздно защищаться, когда он увидел вокруг себя двенадцать грозных шпаг.

Однако ему удалось вытащить из-под широкого плаща свою шпагу, и он как лев бросился на ближайших врагов. В ту же минуту завязался жестокий бой. Бофор, одним взглядом сосчитав число своих врагов, берег силы и рассчитывал каждый удар своей шпаги.

– Сдавайтесь! – закричал ему один голос. – Мы сильнее вас.

– Мошенник! Так ты меня не знаешь, если предлагаешь, сдаться.

– Советую вам опустить шпагу, от этого вам хуже не будет, – продолжал Ле Мофф, отступивший от герцога на несколько шагов.

– Ты воришка чужих кошельков, а я хотя и не скуп, однако не люблю покоряться приказаниям таких людей.

Бофор так удачно работал шпагой, направо и налево, что двое из нападавших упали, произнося проклятия от боли и злобы.

– Мне не надо чужих кошельков, мне жизнь ваша нужна, – возражал Ле Мофф, все держась вдалеке.

– Вот как! Ну, бери ее, если можешь.

– Так поймите же, что я без зазрения совести оставлю ваш труп на улице.

– Тебя подкупили убить меня, проклятый! – сказал Бофор, мужественно работая шпагой.

– Точно так, ваше высочество.

– Ага! Так ты меня знаешь?

– Вполне, и вот доказательство, – сказал бандит, отступив еще на три шага, как будто хотел сбросить свой плащ.

В ту же минуту герцог упал на землю. Как бешеный бился он и рвался на свободу. Но напрасны его усилия: Ле Мофф набросил на него огромную рыболовную сеть, и принц выбивался из сил, чтобы выбраться оттуда. Он ругался, проклинал, а Ле Мофф только крепче опутывал его вероломной сетью, так что скоро герцог не мог и пошевелиться.

По приказанию атамана разбойники, оставшиеся целыми от страшных ударов шпаги принца, подхватили связанную добычу и понесли.

Вскоре они вышли на набережную; по свежему влажному воздуху принц узнал о новой грозившей ему опасности.

– Не хотите ли вы бросить меня в Сену, разбойники? – закричал он, никак не смиряясь со своей участью.

Ответа не было. Вскоре принц был уложен на дно лодки, во избежание всякой попытки к освобождению связан веревками. Затем Ле Мофф посадил одного у руля, другим приказал взяться за весла, сам же, выйдя на берег, сказал:

– Плывите куда знаете. Я вернусь в гостиницу «Дикарь». При малейшем приключении немедленно бегите сообщить мне.

Ле Мофф скрылся в темных улицах на левом берегу.

Лодка медленно продвигалась против течения, так что прошло не менее часа, пока они очутились у моста Мари.

Со всеми знаками почтительности герцог был вынут из

лодки. Носильщики несли его совершенно спокойно, добрые парижане находились под таким гнетом страха, что ни прохожие, ни патруль не осмеливались изъявить любопытство, что это за ноша, которую так таинственно несут.

Бофор знал бесполезность криков, притом ему стало интересно, что выйдет из такого дерзкого похищения. Сквозь сети он мог рассмотреть, что его внесли в Сент-Антуанский квартал, прямо по дороге в Бастилию.

«Кардинал не желает, чтоб от меня оставались следы, – думал он, – и труп мой должен неведомо как исчезнуть».

Глава 11. Ключ Кира Великого

Герцог де Бар увидел лошадь у ворот Ренара и, не справляясь, кому она принадлежит, грубо оттолкнув стоявшего пажа, проворно вскочил в седло, что ясно свидетельствовало о его наездническом искусстве и о мучительном страхе, терзавшем его грудь. Быстро мчался он по полям и вскоре очутился у заставы Сент-Онорэ.

По возвращении в Париж он прямо бросился в Клэвский замок, где в это время жил Мазарини.

Пользовавшийся полным доверием кардинала де Бар немедленно был допущен к нему в спальную.

– Монсеньор, – сказал он с почтительным поклоном, – я принес вам очевидное доказательство происков герцога Бофора.

– Да ведь я их знаю, – сказал Мазарини с обычной ему сладкой кротостью.

– Точно так, монсеньор, вам известно, что герцог Бофор ухаживает за своими площадными друзьями, что он принадлежит к числу приверженцев коадъютора и, несмотря ни на что, остается любовником герцогини Монбазон. Но вы не изволите знать, что он находится в сношениях с принцами, заключенными в Гавре.

– Ошибаетесь, герцог, я и это знаю.

– В таком случае, монсеньор, я ничего нового не могу вам

доложить и мне остается только пожалеть, что я отнял у вас несколько минут отдыха, столь необходимого при ваших утомительных трудах.

– Герцог, отчего вы так бледны?

– Монсеньор, завтрашняя хроника объяснит вам причины.

– Держу пари, что Бофор имеет причастность к этой бледности, – прибавил кардинал с насмешливым выражением.

– Может быть. Впрочем, может ли что скрыться от вас, монсеньор!

– Правда, это трудновато, герцог. Но если мне неизвестно пока, что происходило у Ренара, по крайней мере я знаю, зачем туда отправлялся Бофор.

Герцог еще пуще побледнел.

– Одного не понимаю, – продолжал сладенький кардинал, – что может быть общего с выходками маркиза де Жарзэ, который принадлежит к числу ваших друзей, с оскорблением, которое нанес вам герцог Бофор?

– Монсеньор, мой долг отомстить за оскорбление, и завтра же я потребую удовлетворения от этого дерзкого.

– Так спокойной ночи, герцог!

– Монсеньор, вы решительно не желаете знать, что против вас затевает ваш самый жестокий враг?

– Бофор не самый жестокий враг мне; он просто горячая голова, алчущая нетрудной славы, находящая наслаждение в шуме и блеске, словом, молодой человек, которому надо

нагуляться вдоволь и перебеситься. Он не страшен мне.

– Монсеньор, вы совсем не знаете этого человека. Я вижу это, и доказательство…

– Где оно?

– В моих руках, – отвечал де Бар, подавая бумагу министру, который взял ее медленно и осторожно.

– Что это такое?

– Письмо к нему от герцогини Лонгвилль, которое я имел счастье раздобыть.

– Ага! – сказал Мазарини, нахмурившись, – вот мой самый жестокий враг. Уверены ли вы, что это от нее?

– Совершенно.

– Однако это не ее почерк.

– Все равно, монсеньор: на письме печать и таинственные знаки, которые должны предупредить герцога, откуда это письмо.

– Может быть, вы и правы.

Трусливый кардинал развернул письмо и прочел следующее:

«Шаг Аретофила. Тибарра в Артаксат. Сезострис в Аракс. Сто человек и Интоферн в Тибарру».

– Ничего не понимаю, – сказал Мазарини спокойно, бросая на своего фаворита самый проницательный взгляд.

– Вы изволили забыть остроумный ключ, который очень

распространен в публике и посредством которого все действующие лица Кира Великого прозрачны.

– Верен ли этот ключ?

– Мадемуазель де Скюдери почти созналась в том формально.

– Каким же способом разъяснить эти слова?

– Самым простым. Позвольте мне, – сказал де Бар и, взяв письмо из рук кардинала, поднес к свечке: – Тибарра это Кондэ…

– Я полагал, что Кондэ – Артамен или Кир Великий.

– Точно так, монсеньор, только это было бы слишком ясно. Тибарра – это значит сражение на Линце, а Кондэ одержал победу при Линце, победитель при Тибарре. Понятно, что под именем Тибарры скрывается сам Кондэ.

– Пожалуй, что и так. Дальше.

– Тибарра в Артаксат, то есть Кондэ возвращается в Париж, а это будет с помощью Интаферна, который, предводительствуя сотнею людей, освободит его из заключения.

– Аракс значит Сена, – подсказал Мазарини.

– Точно так, и туда бросят Сезостриса.

– Вот как! – сказал Мазарини, улыбаясь. – А кто бы это был Сезострисом?

– Вы, монсеньор.

– Вы так думаете, герцог?

– Это так верно, как и то, что Интаферн – Бофор.

– Но тут еще есть: «Шаг Аретофила»?

– Вот этого и я не мог понять, хоть целый день просидел с моим оруженосцем Мизри, который очень искусен в подобных загадках и сочиняет прехорошенькие стихи в честь госпожи де Скюдери. Но тут ясно, что герцогиня де Лонгвилль опять желает вас убить и тело ваше бросить в Сену. Это и освобождение ее брата Кондэ она поручает сделать Бофору.

– Хорошо, герцог, я подумаю, – сказал Мазарини.

– Если вам угодно…

– Нет, герцог, я все понял. Оставьте мне эту записку, я подумаю. Ну, а что касается вас…

– Что такое, монсеньор?

– Эту записку вы нашли при самых неблагоприятных обстоятельствах, а так как черный народ может затеять не на шутку бунт, как это было сделано за одного из ваших людей, так я бы посоветовал вам исчезнуть на несколько дней.

– Как исчезнуть?

– А зачем было вести атаки на мятежных простолюдинов, когда есть столько знатных дам, которые совсем не бунтовщицы? Ведь так повиснут на моей шее все рынки, а признаться, я их очень побаиваюсь.

– Прикажите арестовать короля рынков.

– Это будет еще хуже.

– А если я вам принесу его голову?

– Голову Бофора?

– Точно так, монсеньор.

– Трудное дело, герцог.

– Оно гораздо легче многих других.

– Если бы вам удалось это дело…

– Тогда что же, монсеньор?

– Так как у нас мир, я обязан буду выдать вас парламенту и отправить на эшафот.

– Вы шутите, монсеньор? – спросил герцог, вздрогнув.

– Что не помешает мне, однако, сознавать, что вы оказали мне самую важную услугу. Впрочем, вы знаете, герцог, что я не охотник до крайних мер: противно моей натуре проливать кровь. Притом же вы очень хорошо знаете и то, что не Бофора я страшусь, но принца Кондэ, герцогиню де Лонгвилль и коадъютора.

– Один в тюрьме, другая в изгнании, третий доведен до полного бессилия в своем дворце.

– Кондэ гораздо могущественнее в стенах крепости, нежели здесь. Герцогиня де Лонгвилль очень часто бывает в Париже, это вы лучше знаете, чем кто-либо другой.

– Как, монсеньор, вы верите этим сплетням…

– Я знаю, что происходило у Ренара, любезный герцог, и убежден, что вы виновник этого происшествия. Другое дело, если бы вы имели успех.

– Признайтесь, однако, монсеньор, что все было очень ловко устроено, и по одному вашему слову…

– Как по «моему слову»? Я не понимаю вас, герцог, – сказал кардинал сурово.

– Однажды в присутствии королевы вы произнесли такие

слова: «Герцогиня де Лонгвилль – ангел, которому следовало бы подрезать крылышки».

– Ну так что же?

– Герцогиня де Лонгвилль до настоящего дня выдержала много бурь, не потеряв ни одного перышка из своих крыльев: она не поддалась Бофору, который ее любил, она не поддается в настоящее время Ларошфуко, который ее любит… Мне пришло в голову, что я один, который ее не люблю, восторжествую над этой дерзкою добродетелью.

– И потерпели полное поражение.

– Партии только отложены, на время, монсеньор.

– Партия ваша потеряна, потому что и вы ее любите. Поверьте, я тоже немножко понимаю людей. К тому же, если вы будете призывать на помощь себе гайдуков «Красной Розы», эта победа не наложит никакого пятна на белое платье герцогини. Жертва насилия становится мученицею, и больше ничего – вся вина падает на мучителя.

– Я все-таки возьму свое, монсеньор. Клянусь вам, что на этот раз общественное мнение будет за меня. Высокомерная герцогиня, которой хочется во что бы то ни стало быть первой женщиной в королевстве, будет доведена до такого унижения, что сама убежит в монастырь скрыть свой позор.

– Ступайте вон, герцог, вы самый ужасный злодей, какого мне в жизни случалось встречать, – сказал кардинал, заливаясь простодушным смехом, каким иногда умел смеяться.

– Не забудьте же, монсеньор, что мой род тоже королев-

ского происхождения и что вы мне обещали одну из первых должностей принца Кондэ.

– Ступайте, – сказал кардинал, – и помните, что я даю вам полномочия бороться с врагами его величества, нашего короля. Работайте быстрее и лучше, а я уж не прозеваю; вы не знаете этих людей так хорошо, как я.

С этими словами, произнесенными шутливо, но выдававшими душевную тревогу, министр отпустил своего фаворита и, когда тот уже уходил, опять дружески крикнул ему:

– Кстати, герцог, если вы верите моим словам, то не доверяйте никому.

– Как это?

– Да так, никому. Держитесь твердо моих слов.

Де Бар вышел в раздумье.

– Да, – прошептал Мазарини, оставшись один, – лучшего средства нет, как заставить их перерезать горло друг другу.

Герцог сел на лошадь и поехал в свой замок на улице Сен-Тома-де-Лувр. У ворот выскочил прямо к нему какой-то человек в плаще.

– Ах! Это вы, Мизри, – сказал герцог, узнавая своего оруженосца по походке, – ну что?

– Победа, герцог!

Де Бар вздрогнул и остановился, не смея расспрашивать далее.

– Ле Мофф имел успех.

– Тише… что вы говорите, друг мой?

– Ле Мофф…

– Не произносите этого имени, вот уже два дня, как оно производит на меня роковое действие. Я думаю, что этот мерзавец мне изменяет.

– Я и сам так думаю, ваша светлость.

– Надо за ним присматривать. Что вы сделали с того времени, как оставили меня у Ренара?

– Притаившись в темном углу, я ждал, пока выйдет герцог Бофор. Он направился к Неверскому замку. Так как вчера я не мог видеть, как он оттуда вышел, то я тотчас побежал на другую сторону, где небольшая калитка, оттуда я намеревался наблюдать за ним. Предчувствие не обмануло меня. Скоро он появился переодетый и с длинной шпагой на боку. Невозможно было узнать его… я следовал за ним до неизвестной мне улицы в окрестностях замка Кондэ.

– Как неизвестной?

– По той причине, что ночь была темна.

– Мизри, – сказал герцог как бы в глубоком раздумье, – сегодня утром вы уходили из моего дома, переодевшись в придворную ливрею. Час спустя после этого вас видели в костюме клерка или аббата…

– Точно так, ваша светлость, – отвечал оруженосец, бледность которого была незаметна в темноте.

– Что это значит?

– Это значит, что я работаю на пользу вашу и кардинала.

– Хорошо, я хочу вам верить, продолжайте! Вы сказали,

что Бофор направлялся к замку Кондэ.

– Он отворил калитку в какой-то сад. Завтра я доложу вашей светлости, что это за дом, потому что на калитке я сделал знак, по которому днем узнаю ее.

– И прекрасно, а потом что?

– Что он делал в этом саду, я не знаю, но когда он вышел оттуда, я приказал следить за ним Ле Моффу, которого случайно встретил на улице Дракона.

– И… этот человек… умер?

– Почти, по крайней мере, Гондрен сказал мне, что тому человеку не легче от того, что он еще не умер.

– Где он?

– В гостинице «Красная Роза».

– Скорее проводите меня туда, Мизри… от моей руки получит он последний удар, – сказал герцог, и в глазах его сверкнула молния ненависти.

Глава 12. Амазонка Сент-Антуанского предместья

Посмотрим теперь, что делается с защитником Маргариты у гостиницы «Красная Роза». Мужественное нападение на шайку Ле Моффа имело свидетельницей не только герцогиню Монбазон, но и другую даму, которая при стуке оружия отворила окно и с восхищением смотрела на удивительные подвиги неизвестного господина.

Дама эта была жена парламентского советника Мартино, горячего приверженца президента Брусселя и, следовательно, самого непримиримого врага кардинала.

Большой и прекрасный дом советника находился на углу улиц Персэ и Сент-Антуана, неподалеку от гостиницы «Красная Роза». Все бедные того околотка хорошо были знакомы с этим домом, потому что здесь раздавалась щедрая милостыня, в том же доме часто сверкали огни блистательных балов.

Прекрасная и грациозная госпожа Мартино достигла того счастливого возраста, когда женщина является в полном блеске красоты и опытности. А характер у нее был решительный и отважный, как почти у всех дам той беспокойной эпохи. Как все, она имела привычку каждый день кататься верхом по окрестностям. Ей дали прозвище амазонки Сент-Антуанского предместья. Несмотря на прохладную ночь, она

оставалась на своем балконе, чтобы видеть, что делается с молодым и отважным рыцарем, наружность которого нельзя было рассмотреть при лунном свете.

Она видела, как некая дама в сопровождении Ле Моффа вошла в гостиницу, как потом она вышла и как вслед за тем вся шайка оставила «Красную Розу».

Когда начало рассветать, госпожа Мартино преспокойно легла в постель и позвонила. На ее зов пришла горничная, которой она приказала посторожить на балконе и потом рассказать обо всем, что будет делаться в гостинице. После трех часового сна прекрасная советница проснулась и весело стала одеваться, получив от горничной уверение, что во все это время в гостинице не видно было признаков жизни и ворота были на запоре. Тогда она пошла прямо к гостинице в сопровождении двух лакеев.

Приказав своим людям оставаться на улице, она сильно постучала у ворот.

Прибежал хозяин, по наружности его видно было, что он всю ночь не ложился спать. Он тотчас узнал в ранней посетительнице свою блистательную соседку.

– Хозяин, – сказала она, – я видела все, что происходило у вас нынешней ночью. На дворянина – а он дворянин, судя по тому, как он действовал шпагой – напали люди подозрительной наружности. Он внезапно исчез. Что с ним сделалось? Не знаете ли вы об этом? Куда он девался?

– Он находится у меня в комнате и приходит в себя от

ушибов и ран.

– И прекрасно, а я боялась, чтобы он не умер.

– Нет, он, должно быть, живуч, как кошка, потому что у всякого другого обыкновенного человека непременно вышибло бы дух от одного падения в подвал, куда его спустили без всякой осторожности.

– Хозяин, ваши слова возбуждают во мне сильное участие к этому молодому человеку. Проводите меня к нему.

Хозяин почтительно поклонился и повел любопытную красавицу по лестнице на самый верхний этаж дома.

– Зачем вы его поместили так высоко? – спросила она.

– Да у него в кармане не было и трех ливров, а лошадь его, отдыхающая у меня в конюшне, не стоит и двадцати экю, – сказал хозяин в замешательстве.

– Вы нехорошо поступили. О дворянах, особенно в настоящее время, нельзя судить по их карману, а надо смотреть на их наружность. Сейчас же пришлите ко мне этого молодого человека: мои люди помогут вам перенести его. И чтобы через четверть часа это было сделано.

– Но, милостивая государыня…

– Я вам приказываю.

– Но другая дама тоже…

– Договаривайте скорее!

– Другая дама тоже приказала мне как можно лучше ухаживать за ним, и я боюсь…

– Другая дама? А как ее зовут?

– Не знаю, – отвечал хозяин.

– Дала ли она вам задаток?

– Нет, но она обещала.

– Она обещала, а я плачу. Вот вам, – сказала она, – бросая ему туго набитый кошелек.

– Слушаю, – сказал он с низким поклоном, мигом побежденный таким неодолимым доказательством, – слушаю и повинуюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.